

В настоящей главе рассматривается влияние европеизации на кипрский конфликт. Начиная с 1974 г. ООН разрабатывает все более детальные предложения о создании двухзональной, двухобщинной федерации. Но за десятилетия неудачных переговоров главные стороны конфликта по большей части сохранили свои исходные переговорные позиции. В 90-х годах XX в., с подачей Кипром заявки на вступление в ЕС, он стал определяющим фактором развития конфликта. Действительно, вследствие процесса вступления Кипра в ЕС и стремления самой Турции вступить в Союз, стороны конфликта ставят знак равенства между европеизацией и ЕС-изацией. ЕС-изация на Кипре имеет два измерения: воздействие ЕС как структуры на усилия по разрешению конфликта и воздействие процесса вступления на стороны конфликта. Последнее измерение европеизации имело как преднамеренные, так и непреднамеренные последствия, которые, в свою очередь, вероятно, повлияют на будущие события в Восточном Средиземноморье.

Продолжение и неурегулированность кипрского конфликта характеризуются фундаментальным нежеланием всех основных заинтересованных сторон возродить объединенный независимый Кипр, в котором греки и турки-киприоты могли бы мирно сосуществовать на основе взаимной уверенности в своем политическом равноправии, создать такой Кипр или управлять им. Побудительным мотивом для этого нежелания служит различное понимание сторонами того, каким образом каждая из них могла бы достичь целей самоопределения, индивидуальных прав и безопасности своей общины. Их позиции вращались вокруг легалистского и модернистского дискурса абсолютного суверенитета, государственности, военной силы и баланса. Наличие абсолютных и взаимно исключаяющих позиций означало, что удовлетворение основных требований одной стороны влечет за собой отрицание требований другой.

Процесс вступления Кипра в ЕС в 90-е годы XX в. оказал влияние как на стимулы, так и на переговорные позиции главных сторон. Однако воздействие процесса вступления не соответствовало выраженным ожиданиям стран-членов ЕС, Еврокомиссии или правительства греков-киприотов. Напротив, важным, заметным явлением в 90-е годы XX в. и в начале первого десятилетия XXI в. было ужесточение позиций сторон, и особенно турко-кипрской стороны. Конкретные (условные и безусловные) выгоды и потери, представленные сторонам, и то, как они были представлены акторами ЕС, привели в конце 2001 г. к неожиданным последствиям. Это объяснялось тем, что они подпитывали дискурс большинства националистических элементов конфликта, легитимизируя их ужесточившиеся позиции.

К концу 2001 г. направление хода событий, казалось, начало меняться, а мирные усилия 2002 г. открывали перспективу окончательного прорыва. Приближающийся крайний срок вступления Кипра в ЕС вызвал беспрецедентную активность гражданского общества и левоцентристских сил на Севере Кипра и одновременно появление расхождений внутри турецкого национального консенсуса по кипрскому вопросу. Особенно после ноябрьских выборов 2002 г. в Турции различные представители Анкары высказывали неодинаковые взгляды по этой проблеме. Эти разногласия глубоко переплетались с различными позициями относительно курса на вступление в ЕС самой Турции, принятого после декабрьской 1999 г. сессии Совета Европы в Хельсинки. И все же, несмотря на позитивные сдвиги с турецкой и турко-кипрской стороны, они были недостаточны для заключения соглашения, как показали результаты апрельского референдума 2004 г., на котором подавляющее большинство греков-киприотов (76% голосов против) отвергли План Аннана, предложенный ООН, что помешало осуществить воссоединение острова до вступления Кипра в ЕС 1 мая 2004 г.

2.1. Исторические корни конфликта: 30-е годы XX в. — 1974 г.

Потенциал для межобщинного конфликта на Кипре был заложен в период владычества Османской империи и возникновения отдельных общин на острове. Семена нынешнего раздора были, однако, реально посеяны в годы британского колониального господства в начале XX столетия и в период антиколониальной борьбы 20–50-х годов XX в.

В 20-е годы в общине греков-киприотов нарастало недовольство британским правлением на Кипре. Однако в отличие от других движений за деколонизацию XX в. желание свободы не приводило к требованию независимости. Вместо этого, рассматривая самих себя и материковых греков как один

народ, греки-киприоты выражали свое желание свободы в форме энозиса или союза с Грецией.

Греция стала активно заниматься кипрским вопросом десять лет спустя. Она уже объявляла Кипр неотделимой частью Греции в начале 20-х годов. Но после своей катастрофической военной экспедиции в Анатолию в 1922 г. и последующего Договора о дружбе между Мустафой Кемалем Ататюрком и Элефтериосом Венизелосом, Афины в 20-е и 30-е годы откладывают в сторону свои ирредентистские амбиции. Они начинают активно втягиваться в дела Кипра в начале 40-х годов. Эта вовлеченность первоначально приняла форму дипломатического нажима на Великобританию, сопровождаемого выступлениями в ООН. Однако после того, как греческая дипломатия потерпела фиаско, движение греков-киприотов прибегло к вооруженной борьбе. Бойцы ЭОКА (Этники органосис киприон агонистон) во главе с Георгиосом Гривасом развернули партизанскую борьбу против колониального режима, и в апреле 1955 г. прозвучали разрывы первых бомб ЭОКА.

Вплоть до середины 50-х годов XX в. англичане реагировали на требования энозиса применением силы и репрессиями. На самом Кипре англичане поддерживали борьбу турок-киприотов против энозиса и действовали вместе с ними. Сознавая потенциальную опасность энозиса для турок-киприотов и исходя из своих собственных колониальных целей, Великобритания поощряла ответную мобилизацию этой общины. Тем временем во внешнеполитической сфере она выдвигала на первый план стратегические интересы Турции на Кипре и ее неприятие энозиса.

Обеспокоенность турок-киприотов по поводу энозиса нарастала в течение 40-х годов XX в. и особенно после плебисцита 1950 г., на котором община греков-киприотов единодушно проголосовала за него. Элита турок-киприотов и их население в целом были все еще сравнительно довольны британским правлением. Однако, хорошо зная о дискриминации турок/мусульман в бывших областях Османской империи, присоединенных к Греции, турки-киприоты яростно отвергали союз с Грецией. Этот спонтанный отпор, поощряемый англичанами, привел к образованию единого фронта англичан и турок-киприотов против ЭОКА в середине 50-х годов XX в. В 1956 г. турки-киприоты начали противодействовать ЭОКА, создав вооруженное движение «Волкан», а затем, в 1957 г., ТМТ (Тюрк мукавемет тескилати). К 1957 г. община турок-киприотов и Турция сформулировали свою собственную позицию в противовес энозису: таксим, или разделение острова на зоны греков и турок-киприотов.

К концу 50-х годов XX в. главные стороны находились в натянутых отношениях друг с другом. Греки-киприоты и Греция стремились к энозису, в то время как турки-киприоты и Турция отвечали требованиями таксима. Анг-

личане тем временем были преисполнены решимости удержать за собой полный суверенитет над островом. Путь к компромиссу был, однако, расчищен с изменением британской позиции в конце 1957 г. Компромиссным решением между крайностями энозиса и таксима являлось предоставление независимости. В 1959 г. в Цюрихе было разработано рамочное соглашение между премьер-министрами Греции и Турции. За ним сразу последовало подписание всеобъемлющего договора в Лондоне, в числе сторон которого были также Великобритания, архиепископ Макариос и Фазиль Кучук, представлявшие соответственно греческую и турецкую общину Кипра. Стороны пришли к согласию в вопросе об основополагающих принципах государственного устройства новой, независимой Республики Кипр (РК), которое явно исключало как энозис, так и таксим. В соответствии с договором Великобритания сохранила за собой суверенитет над военными базами Декелия и Акротири.

Одновременно стороны также подписали договоры о гарантиях и союзе. Договор о гарантиях был направлен на то, чтобы «гарантировать независимость, территориальную целостность и безопасность» Республики Кипр и не допускать его «политического или экономического союза с каким бы то ни было государством» (статья 1). В поддержку этой цели Договор предоставлял Великобритании, Греции и Турции «право принимать меры с единственной целью восстановления положения дел, установленного Договором» (статья 4). Три гаранта могли вмешиваться во внутренние дела острова как совместно, так и по отдельности, дабы обеспечить соблюдение Договора и воспрепятствовать и энозису, и таксиму. Договор о союзе являлся оборонительным пактом в целях защиты независимости и территориальной целостности РК. В дополнительном протоколе к Договору Греция и Турция получали право держать на Кипре вооруженные силы численностью соответственно 950 и 650 человек. Он также предоставлял Великобритании широкие права пользования на территории в 99 кв. миль, находившейся под ее суверенитетом.

Основные черты государственного устройства РК были определены Конституцией 1960 г., в соответствии с которой была создана республика двухобщинного партнерства, то есть гибрид консоциональной модели с элементами общинной автономии. Двухобщинность обеспечивалась детальным сложным устройством, предусматривавшим представительство общин и распределение полномочий. Главой исполнительной власти был бы президент, причем его должност был исполнял бы киприот-грек, а должность вице-президента — киприот-турок, избиравшиеся отдельными общинами. Исполнительная власть состояла бы из кабинета в составе десяти членов: семь были бы греками-киприотами и назначались бы президентом, а три были бы

турками-киприотами и назначались бы вице-президентом. Законодательное собрание представляло собой палату представителей, которая состояла из 50 членов, избираемых по отдельным избирательным спискам. Общинное представительство определялось бы соотношением 70:30, и та же этническая квота сохранялась бы для государственных служащих и полицейского корпуса. В вооруженных силах численностью 2 тысяч человек действовало бы соотношение 60:40. Судебная система состояла бы из Высшего Конституционного суда, Высокого суда юстиции и судов более низкой инстанции, также характеризующихся двухобщинным представительством. Были бы созданы отдельные общинные палаты для рассмотрения вопросов образования, религии, культуры и гражданского состояния. Общинные палаты имели бы право вводить налоги, создавать отдельные суды по регулированию этих полномочий и получать прямые субсидии от соответствующей общины. Наконец, в каждом из пяти крупнейших городов острова имелись бы отдельные муниципалитеты для обеих общин.

Почти с самого начала многие греки-киприоты выражали неудовлетворенность соглашениями, рассматривая их как предательство дела энозиса. Макариос считал, что они были навязаны извне. И, что наиболее важно, греки-киприоты оспаривали с их точки зрения чрезмерно щедрые уступки, предоставленные общине турок-киприотов, по сравнению с ее размерами. По их представлениям, туркам-киприотам, составлявшим 18% населения острова, скорее должны были быть предоставлены права меньшинства, чем почти равная доля в правительственных органах. Исходя из этого 3 ноября 1963 г. президент Макариос представил вице-президенту Кучуку 13 поправок к Конституции. Поправки касались отмены нескольких важнейших конституционных положений, которые определяли двухобщинную структуру республики. Они предусматривали унитарное, централизованное государство с правами меньшинства (в лучшем случае) для общины турок-киприотов.

Анкара и вице-президент Фазиль Кучук отклонили предложенные поправки. Напряженность в системе государственных институтов дошла до такой степени, что официальные лица из числа турок-киприотов либо сами покинули их, либо были принуждены оставить все государственные должности. В то же время произошло вооруженное столкновение между полицейскими силами греков-киприотов и Турецким движением сопротивления, а также между военизированными группами греческих и турецких киприотов. Полувоенные формирования первоначально были оборонительными по своему характеру, но по мере эскалации напряженности они стали занимать все более агрессивные позиции. Столкновение привело к многочисленным жертвам и принудительному переселению свыше 30 тысяч турок-киприотов

из деревень со смешанным населением в анклав. Правительство, состоявшее из греков-киприотов, введя экономическое эмбарго на стратегические товары и услуги анклавам, не выделяло никаких государственных средств на нужды турок-киприотов, проживающих в анклавах, ограничило свободу передвижения последних и лишило их большинства форм занятости.

Проблема обострилась из-за усилий Греции по дестабилизации правительства Макариоса. Напряженность между Грецией и Кипром усилилась после военного переворота 1967 г. в Греции вследствие возраставшего вмешательства последней во внутренние дела острова. Его кульминация пришла на 15 июля 1974 г., когда Национальная гвардия Греции совершила переворот, цель которого состояла в том, чтобы низложить режим архиепископа и распространить свою диктатуру на Кипр.

На этом этапе Турция, которая в 1964 и 1967 гг. уже была на грани вмешательства в ответ на межобщинное насилие, 20 июля 1974 г. осуществила военную интервенцию, ссылаясь на свои права по Договору о гарантиях. Армия первоначально овладела узкой десятимильной полосой береговой линии вокруг Кирении, которая была затем присоединена к треугольному по форме анклав, находившемуся под управлением турок-киприотов. После первого нападения стороны в августе 1974 г. встретились в Женеве. Они согласились осуществить обмен пленными и поставить анклав турок-киприотов под охрану ООН. Турецкая и турко-кипрская стороны в ультимативной форме предложили ввести в действие двухзональную федеративную систему. Когда исполняющий обязанности президента Глафкос Клеридес попросил об отсрочке на 36–48 часов для консультаций, Турция напала во второй раз и заняла 37% территории острова.

Во время и сразу после первой турецкой военной интервенции государства-члены ЕС в рамках Европейского политического сотрудничества (ЕПС) предприняли ряд демаршей в Афинах и Анкаре, призывая к прекращению огня и выступая в поддержку переговоров в Женеве. Внутриевропейские разногласия, однако, блокировали действия ЕПС во время и после второй интервенции. Между первым и вторым турецким вторжением греческая хунта распалась, и новый премьер-министр Константин Караманлис сразу же высказал намерение подать заявку на прием в ЕС. Наличие проевропейского режима в Афинах и турецкая оккупация более трети острова, в свою очередь, сделали такие государства-члены ЕС, как Франция, более благоклонными к греко-кипрской стороне. Другие государства, такие как Германия и Великобритания, одинаково относились к Греции и Турции. В результате, начиная с 1974 г. Европейское Сообщество воздерживалось от активного коллективного вмешательства в усилия по разрешению конфликта.

2.2. Развитие конфликта с 1974 г.

Совершив интервенцию, турецкие войска остались на Кипре, и конституционный порядок 1960 г. восстановлен не был. Вместо этого в каждой части Кипра установился свой порядок. Турки-киприоты ныне контролировали 37% острова, включая 57% береговой линии, т. е. 70% экономического потенциала острова, более чем 50% его промышленных предприятий, 60% природных ресурсов, 65% общей обрабатываемой земли и 73% туристской инфраструктуры. Интервенция и последующие Венские соглашения об обмене населением, заключенные в апреле-мае 1975 г., привели к изгнанию 140–160 тысяч греков-киприотов с Севера и 60 тысяч турок-киприотов с Юга. Оба района подверглись этнической чистке. Только 13 тысяч греков-киприотов оказались в изоляции на Севере Кипра на полуострове Карпасс. Кроме того, после раздела острова Турция поощряла иммиграцию на Северный Кипр с материка, и сегодня численность турецких иммигрантов, по разным источникам, составляет от 40 до 80 тысяч человек¹. Собственность, прежде принадлежавшая грекам-киприотам, была национализирована и передана туркам-киприотам посредством выдачи удостоверений об узурфрукте на основе собственности, потерянной на Юге. В результате возвращение или компенсация собственности стали одним из главных камней преткновения на пути урегулирования конфликта.

После 1974 г. Кипр был разделен на две отдельные зоны. На Севере община турок-киприотов сначала провозгласила Турецкое Федеративное Государство Кипр в 1975 г., а в 1983 г. — Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК). Международная общественность, кроме Турции, осудила эту одностороннюю декларацию независимости (ОДН) как акт сепаратизма, противоречащий духу разрешения конфликта². На Юге греки-киприоты сохранили название РК. За исключением Турции, международная общественность продолжала рассматривать РК как единственную законную власть на острове, несмотря на отсутствие там турок-киприотов.

Раздел острова привел к затягиванию конфликта с одновременной эволюцией двух различных экономических, политических и социальных систем и государственных устройств³. Первым фактором, мешающим сближению сторон, было наличие официально признанной РК, правящей общиной греков-киприотов, бок о бок с де факто существующей, но непризнанной ТРСК, которая возглавляет общину турок-киприотов. За прошедшие годы никаких признаков урегулирования конфликта не появилось, и ТРСК, которая в 1967–1974 гг. служила переселенным в анклав туркам-киприотам, в 1983 г. объявила независимость. Сложившаяся ситуация углубила раскол между народами, так и не дав им никакого опыта совместного управления и развития общей политической культуры.

Таблица 2.1.

Кипр — население и этничность, тыс.*

	1960 г.	2000 г.
<i>Численность</i>		
Всего	572	757
Греки-киприоты	441,5	630,5
Турки-киприоты	104	210
Другие	26,5	75

* Последняя официальная перепись на Кипре была проведена в 1960 г. Ее данные не раз оспаривались. В докладе Еврокомиссии 2001 г. о прогрессе урегулирования указано, что в 2000 г. население острова составляло 757 тысяч человек (включая Северный и Южный Кипр). Власти РК утверждают, что эта цифра включает 630 500 греков-киприотов, 9 000 маронитов, армян и лиц латинского обряда и 66 000 резидентов-рабочих. По данным статистики РК, на Кипре проживает только 87 600 турок-киприотов, в то время как 115 000 турецких поселенцев иммигрировали из Турции. Согласно статистике ТРСК, число как рожденных на Кипре граждан турок-киприотов, так и турецких иммигрантов, имеющих гражданство ТРСК, составляет 210 000 человек.

Вторым разделяющим фактором было почти полное отсутствие любых социальных, культурных или экономических связей между обеими общинами. Из-за раздельного управления и прежде всего «зеленой линии» (разделяющей обе общины на отдельные зоны со времени турецкой оккупации северной части острова в 1974 г.) контактов между двумя сторонами фактически не существовало. В социальной и культурной сферах связям между общинами препятствовало территориальное разделение, тогда как в экономической сфере эмбарго, введенное РК в отношении Севера, разрушило почти все экономические связи, ранее существовавшие благодаря торговле и совместному бизнесу. Новые поколения киприотов росли без какого-либо контакта с другой общиной. Это, в свою очередь, благоприятствовало распространению радикальных политических взглядов, основанных на предвзятости и предрассудках. СМИ и системы образования обостряли эту ситуацию, напоминая молодым поколениям о несправедливостях и злодеяниях прошлого. В этом контексте небезынтересны некоторые результаты опроса, проведенного в марте 2000 г. в РК: 75% опрошенных греков-киприотов сказали, что не согласятся на брак между членом их семейства и турком-киприотом; свыше 80% сказали, что в случае федеративного решения они не стали бы жить в турко-кипрской зоне; наконец, от 30 до 40% опрошенных не желали работать в том же месте, что и турок-киприот, жить в деревне со сме-

шанным населением или позволить своим детям посещать те же школы, что и дети турок-киприотов. Данные, полученные с турко-кипрской стороны, вероятно, дали бы даже еще более пессимистическую картину, учитывая, что страх перед совместным проживанием еще сильнее проявляется в меньшей по размеру общине турок-киприотов.

Ситуация изменилась в апреле 2003 г., когда после неудачных переговоров, проведенных под эгидой ООН, турко-кипрская сторона открыла «зеленую линию». Начался массовый переход людей через границу, имевший в основном положительные последствия. Молодое поколение греков- и турок-киприотов ощутило, что контакт автоматически не влечет за собой насилия и что сосуществование возможно. И в то же время важные элементы разделения остаются в неизменности. На греко-кипрской стороне люди, видя в какой бедности живут на Севере Кипра, и наблюдая, как турки-киприоты пересекают границу, чтобы купить продовольствие и товары массового потребления на преуспевающем Юге, укрепились в своем видении «убожества Другого». Некоторых греков-киприотов раздражала необходимость показывать свои документы турко-кипрским властям при пересечении границы. На турко-кипрской стороне росло недовольство по поводу препятствий для внутриостровной торговли, установленных греко-кипрским правительством, несмотря на номинальное разрешение ее как меры доверия. Турки-киприоты были также недовольны запретом, введенным греко-кипрской стороной: в соответствии с ними иностранцы не имели права оставаться на ночь на Севере Кипра.

Третьим фактором разделения является экономическое неравенство общин. После 1974 г. греко-кипрская экономика на Юге подверглась энергичной реконструкции, что привело к экономическому процветанию, а турко-кипрская экономика в Северном регионе переживала застой⁴. Экономическому успеху, достигнутому греками-киприотами, способствовал статус РК как единственного всемирно признанного государства на острове. Будучи экономикой малой страны, хозяйство РК извлекало огромную пользу из торговли и инвестиций, специализируясь на товарах легкой промышленности, туризме и офшорных финансовых услугах. Северный Кипр представляет собой совершенно противоположную картину. Сельское хозяйство остается в значительной степени натуральным, а туризм — практически не развитым, главным образом ввиду отсутствия международных авиарейсов из аэропортов помимо Турции. В экономике доминирует неэффективный государственный сектор, что приводит к серьезным финансовым неурядицам. Застой в экономике обостряется — если даже в значительной мере не вызывается — международным непризнанием. Тесные связи между Северным Кипром и Турцией не только были недостаточны, чтобы возместить издерж-

ки международной изоляции⁵, — они также означали, что Северный Кипр унаследовал экономические беды Турции, что еще более тормозит торговлю и инвестиции, а тем самым и общее развитие на Севере.

Экономический диспаритет знаменует собой коренные различия в образе и уровне жизни, препятствуя межобщинным отношениям. Кроме того, он усиливает беспокойство по поводу воссоединения среди тех представителей турко-кипрского народа, которые опасаются экономического доминирования над Северным Кипром со стороны преуспевающих греков-киприотов. Это опасение объясняет, почему одним из основных пунктов для урегулирования конфликта является либерализация свободы передвижения, поселения и собственности. Греко-кипрская община, стремясь вернуться на Север, требует либерализации, состоящей из трех этих свобод. Община турок-киприотов отвергает их требования, заявляя, что, если эти свободы будут полностью введены в действие, Северный Кипр «скупит» более богатая греко-кипрская община, что будет угрожать самому выживанию общины турок-киприотов.

Последняя причина расхождений между обеими общинами — глубинный конфликт между родственными для них государствами, соответственно Грецией и Турцией. Начиная со взятия Османской империей Константинополя в 1453 г. и последующих четырех столетий османского владычества в Греции, которое завершилось греческой войной за независимость в 1821–1829 гг., напряженность между обеими нациями была велика. Она усилилась в конце XIX и начале XX столетия, вылившись в войны 1897, 1912–1913 и 1919–1923 гг. и вновь после 1974 г. в конфликты из-за суверенных прав в Эгейском море. В той мере, в какой обе кипрские общины отождествляют себя с той или иной «родиной», греко-турецкое соперничество препятствует созданию общей или множественной идентичности на Кипре.

Положение начало стабилизироваться с тех пор, как весной и летом 1999 г. было положено начало восстановлению греко-турецких отношений. Министр иностранных дел Греции Георгиос Папандреу, в частности, все более ощущал потребность начать конструктивный диалог с заклятым врагом — Турцией — после периода всё более опасного балансирования на грани войны между обеими странами (1996–1999 гг.). Землетрясения в Греции и Турции в августе 1999 г. и гуманитарная поддержка, оказанная друг другу обеими странами после этих природных катаклизмов, послужили предлогом для значительных перемен в политике. Благодаря дипломатическим усилиям, предпринятым после землетрясений, в январе-феврале 2000 г. состоялись имевшие эпохальное значение взаимные визиты министров иностранных дел Исмаила Джема и Георгиоса Папандреу. Идеи сближения начали проникать во все звенья системы двусторонних отношений. К осени 2002 г. Греция

и Турция подписали 10 двусторонних соглашений по вопросам «малой политики». Несмотря на отсутствие конкретных соглашений относительно греко-турецких споров в Эгейском море, в марте 2002 г. стороны начали переговоры о континентальном шельфе. Сближение следует приветствовать как одно из наиболее позитивных событий в кипрском конфликте начиная с 1960 г. Оно, однако, остается хрупким, и любой, даже незначительный, кризис на Кипре или в Эгейском море в состоянии подвергнуть этот процесс опасности.

Если изначальные причины конфликта уходят своими корнями в десятилетия, предшествующие 1974 г., то сам конфликт усугублялся разделяющими факторами, возникшими в последующие годы. Реальные и мнимые политические, геополитические, социальные и экономические различия приводили к жестким позициям руководства обеих общин на переговорах, мешая добиться прочного и всеобъемлющего соглашения.

2.3. История переговоров и принятых решений

Очередные раунды переговоров начиная с 1974 г. имели весьма поверхностный успех и в целом могут быть названы неудачными. Стороны в разное время и в различной степени отвергали международные предложения, отказываясь изменить свои переговорные позиции в сколько-нибудь существенном объеме. И в то же время международное сообщество, главным образом представленное Секретариатом ООН, все более четко представляло себе контуры урегулирования. Иными словами, со временем предложения уже не слишком расходились, но скорее дополняли друг друга. Они по-прежнему были основаны на политических концепциях, соответствующих принципам Конституции 1960 г. За эти годы международные посредники детализировали свои предложения, адаптируя их ко все более уточнявшимся позициям главных сторон конфликта и пытаясь решить квадратуру круга, сблизив их несовместимые позиции путем учета основных потребностей.

Единственные конкретные шаги последовали вскоре после раздела Кипра. В резолюции № 367 от 1975 г. Совета Безопасности ООН было предложено решение, основанное на независимой, суверенной, двухобщинной и двухзональной федерации с учетом ситуации, сложившейся после 1974 г. при одновременном уважении независимости Кипра.

Резолюция № 367 Совета Безопасности ООН проложила путь к соглашению 1977 г. на высшем уровне между Рауфом Денкташем и архиепископом Макариосом, а также к соглашению 1979 г. между Денкташем и Спиросом Киприану. Соглашение 1977 г. установило четыре главных принципа урегу-

лирования, которое основывалось на независимой, двухобщинной и неприсоединившейся федерации. Территориальное переустройство должно было принять во внимание экономическую жизнеспособность обеих договаривающихся сторон и собственность общин на землю. Положение о трех свободах — передвижения, поселения и собственности — должно было быть включено в соглашение, и федеральное правительство должно было гарантировать единство страны. Соглашение 1979 г. предусматривало 10 дополнительных пунктов: урегулирование достигалось через межобщинные переговоры и решало вопросы прав и свобод человека на острове. Оно также предусматривало переселение 35 тысяч беженцев — греков-киприотов в демилитаризованную Варошу, ныне необитаемую, а прежде развитую туристскую, курортную зону, граничащую с городом Фамагуста. Не должно было предприниматься никаких действий, которые могли бы подвергнуть опасности мирный процесс. Международная общественность все еще поддерживает соглашения на высшем уровне, но их сущность носит настолько общий характер, что они могли бы вместить в себя почти любую переговорную позицию.

Невозможность достижения компромисса определялась в значительной мере тем фактом, что в течение десятилетий главные стороны занимали на переговорах взаимоисключающие позиции по ключевым вопросам. Основные разногласия между сторонами можно выявить, если кратко проанализировать их позиции по четырем вопросам: суверенитет, политическое равенство, территория и безопасность, — позиции, которые существенно не изменились с 1974 г. Турки-киприоты подчеркивают необходимость отдельного суверенитета. На практике это означает, что федеративное государство должно состоять из агрегирования греко- и турко-кипрского суверенных субъектов федерации. Только федерация, созданная путем агрегирования, сможет гарантировать политическое равенство между обеими общинами, при этом суверенные и в значительной степени самоуправляющиеся кантоны делегируют ограниченные полномочия центру. Руководство греков-киприотов также признает концепцию двухобщинной, двухзональной федерации, но подчеркивает единый и неделимый суверенитет РК, которая может разделиться в результате конституционных изменений.

Интерпретации политического равенства также существенно отличались между собой. Для турко-кипрского руководства священный принцип политического равенства означает равенство между двумя субъектами федерации, отношения координации, а не подчинения субъектов федерации федеральному уровню, и равенство обеих общин на федеральном уровне, благодаря широкому распространению принципа единогласия при принятии решений и численному равенству. По мнению греков-киприотов, неохотно

принятый ими принцип политического равенства непременно влечет за собой равенство между обеими субъектами федерации. В своих предложениях 1989 г. греки-киприоты по сути отвергли равенство субъектов федерации по отношению к центру⁶. С их точки зрения, субъекты федерации должны иметь ограниченный набор региональных полномочий, а в центре ключевыми следует считать принципы правления большинства и пропорциональности. Как выразился нынешний президент Тассос Пападопулос, «политическое равенство может быть достигнуто только в пределах одного государства, одного суверенитета и одного гражданства»⁷.

Требование абсолютного суверенитета также вело к противоборству позиций относительно территории, турецких иммигрантов и трех свобод — передвижения, поселения и собственности. Руководство турок-киприотов потребовало достаточно большой территории, чтобы их община могла быть экономически самостоятельной и чтобы таким образом подкрепить турко-кипрский суверенитет. Это требование было отклонено греко-кипрской стороной, с точки зрения которой территориальные границы не должны разделять два суверенных образования. По мнению греков-киприотов, граница должна учитывать демографический баланс на острове. Фактически следуя той же — демографической — логике, турко-кипрское руководство отвергло требование греков-киприотов о репатриации турецких иммигрантов. На взгляд греков-киприотов, три свободы — передвижения, поселения и собственности — должны быть обеспечены, так как киприоты, как основные хранители единого суверенитета государства, должны пользоваться равными правами на всем острове. Турки-киприоты отвергли это позицию, настаивая на своем праве отдельного, суверенного самоуправления. Кипр, на их взгляд, состоит из двух суверенных народов, а не одного.

Различное восприятие угроз безопасности также привело к противоборствующим позициям относительно внешних гарантий. По мнению турок-киприотов, в рамках системы двух суверенных образований Турция одна могла бы защищать безопасность меньшего государства турок-киприотов от более многочисленной общины греков-киприотов. Для греков-киприотов, однако, главную угрозу безопасности представляет сама Турция, а не турки-киприоты. Отсюда их призывы к демилитаризации и сопротивление вмешательству Турции в дела Кипра.

Внутренние и международные усилия, предпринятые со времени соглашений на высшем уровне, в результате взаимно исключающих позиций потерпели целый ряд неудач. В дальнейшем мы вкратце изложим историю переговоров и решений, предложенных после 1974 г. Вслед за соглашениями на высшем уровне 1977 и 1979 гг. специальный представитель ООН Хуго Гобби выступал посредником на межобщинных переговорах в 1980—1983 гг. По-

средничество Гобби в конечном счете потерпело фиаско, когда в мае 1983 г. РК, поддержанная Грецией, вынесла свой вопрос на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН и добилась принятия резолюции № 37/253 о немедленном выводе турецких войск. Недовольные преимуществами греческих киприотов, последовавшими за признанной государственностью, турки-киприоты в ноябре в ответ приняли одностороннюю декларацию независимости (ОДН)⁸. А греко-кипрские дипломаты в свою очередь прервали переговоры и отвергли Промежуточное соглашение ООН.

Переговоры возобновились в Вене в августе 1984 г. В 1984–1986 гг. ООН разработала три соглашения под эгидой Генерального секретаря Хавьера Переса де Куэльяра (Рабочие пункты 1984 г., Интегрированные документы 1985 г. и Проект рамочного соглашения 1986 г.). Предложения включали создание федерации, состоящей из двух провинций, причем турко-кипрская провинция должна была занять 23–30% острова. Законодательный орган имел бы две палаты. Нижняя палата избиралась бы либо по принципу пропорционального представительства, либо соотношением 70:30 (как в Конституции 1960 г.). Исполнительная власть мыслилась как президентская система, которая должна была либо следовать Конституции 1960 г. (президент из числа греков-киприотов и вице-президент из числа турок-киприотов, соотношение членов кабинета — 60:40), либо была бы введена ротация президентства с соотношением членов кабинета 70:30. Федеральный уровень должен был отвечать за внешнюю политику, политику в сфере безопасности, федеральные финансы, валютную политику, инфраструктуру и социальную политику. Обе провинции имели бы остаточные компетенции. Переговоры также касались «трех свобод», вывода турецких войск, переселения в Варошу и возобновления функционирования Никосийского аэропорта. Турко-кипрская сторона признала первый и третий проект соглашений по федеративному урегулированию, но и Папандреу, и Киприану отвергли их.

Перемены к лучшему начали чувствоваться в августе 1988 г., когда в Женеве возобновились переговоры между Рауфом Денкташем и новоизбранным президентом греков-киприотов Василиу, который считался значительно более умеренным, чем его предшественник Киприану. В июле 1989 г. Перес де Куэльяр обнародовал свою концепцию урегулирования, которая предусматривала создание нового «общего дома» для обеих общин, чьи отношения отныне должны быть проникнуты духом политического равенства и перестать быть отношениями большинства и меньшинства. Предусматривалось принятие новой Конституции, на основе которой создавался единый, двухзональный и двухобщинный федеративный Кипр. Новое государство должно было иметь единую международную правосубъектность и гражданство, реализуя политическое равенство обеих общин. Предполагалось,

что единый суверенитет федеративного государства будет фактически «исходить в равной степени» от обеих общин. Переговоры на основе идей Генерального секретаря продолжались до 1990 г. и завершились встречей на высшем уровне в марте 1990 г., которая, однако, потерпела провал, когда Денкташ потребовал права на отдельное самоопределение и получил отказ со стороны Василиу⁹. Тем не менее резолюция Совета Безопасности № 649 призвала к заключению обеими сторонами соглашения на равноправной основе на базе идей Генерального секретаря. В резолюции стороны призывались «воздержаться от любых действий, которые могли бы усугубить ситуацию» (статья 5).

Несмотря на призыв Совета Безопасности, 4 июля 1990 г. РК подала заявку на прием в ЕС. Турко-кипрские власти резко отреагировали на эту заявку. После ее подачи и получения положительного ответа Еврокомиссии в 1993 г. ЕС как коллективный актор (который, несмотря на свое соглашение об ассоциации с Кипром 1972 г., никогда не играл значительной роли в мирных усилиях) постепенно стал составным элементом динамики конфликта.

Несмотря на просьбу РК о приеме в ЕС, в 1990-1993 гг. ООН в качестве посредника предпринимала упорные и интенсивные усилия. В октябре 1991 г. в своей резолюции № 716 Генеральная Ассамблея ООН вновь подтвердила принцип единого Кипра, основанного на политическом равноправии общин¹⁰. Два месяца спустя в докладе Генерального секретаря Совету Безопасности было заявлено, что «рамки урегулирования стали ясны (...) [и] суверенитет должен быть совместным, но неделимым»; решение должно быть основано на «новом конституционном устройстве», которое должно быть выработано на «равной основе» и одобрено на «отдельных референдумах»¹¹. В начале 1992 г. новый Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали немедленно продолжил решение кипрского вопроса с того места, где его оставил его предшественник. Кульминацией процесса явилось в 1992 г. всесторонне разработанное предложение ООН об урегулировании, известное как «Комплекс идей». Совет Безопасности ООН поддержал этот документ в резолюции № 750 от 10 апреля 1992 г.

В «Комплексе идей» более детально изложены прежние идеи и предложения ООН о двухзональной и двухобщинной федерации, которые, в свою очередь, были основаны на положениях соглашений на высшем уровне и договоренностей 1960 г. Предполагалось, что Кипр станет общим домом для двух политически равноправных общин. Принцип политического равноправия был формализован указанием на то, что «одна община не может требовать суверенитета над другой общиной»¹² и что «федеральное правительство не может вторгаться в сферу полномочий и функций обоих субъектов федерации»¹³. Федерация имела бы единую международную правосубъектность, гражданство и суверенитет, который исходил бы в равной степени от

обеих общин, при этом каждый субъект федерации управлялся бы одной общиной в соответствии со своей собственной Конституцией. Во главе страны стояли бы президент от одной общины и вице-президент от другой. Существовал бы совет федерации с соотношением общин 7:3, принимающий решения простым большинством голосов. Имелся бы двухпалатный законодательный орган (с соотношением 70:30 в нижней палате и 50:50 в верхней). При принятии решений в области иностранных дел и обороны, безопасности, бюджета, налогообложения, иммиграции и гражданства, для парламентского одобрения могло потребоваться отдельное большинство обеих общин в обеих палатах.

«Комплекс идей» возлагал на центральный уровень значительные полномочия в области внешней политики, обороны, охраны правопорядка, таможенной, торговой и валютной политики, гражданства и иммиграции, а также поддержания стандартов в сфере здравоохранения, окружающей среды, сохранения природных ресурсов, мер и весов. Центр также должен нести ответственность за аэропорты и порты, коммуникации, патенты и торговые марки. Все прочие сферы (транспорт, промышленность, научные разработки, туризм, сельское хозяйство, образование и культура) должны относиться к компетенции субъектов федерации, которые возьмут на себя ответственность за безопасность и правопорядок в пределах своих территорий, имея собственные полицейские силы и судебные органы. И центральный уровень, и уровень субъектов федерации должны иметь собственные бюджеты и права налогообложения.

Относительно возвращения беженцев и обеспечения трех свобод в «Комплексе идей» было предложено, чтобы при свободном пользовании свободой передвижения другие права и свободы ограничивались некоторыми условиями, в частности возвращением на Северный Кипр греков-киприотов или их поселением там. В итоге каждая община должна была иметь гарантированное большинство населения и собственность на землю в своем субъекте федерации. Тем перемещенным лицам, которые не хотели или не могли вернуться к своей прежней собственности, предоставлялась соответствующая компенсация. К «Комплексу идей» также прилагалась карта, по которой турко-кипрская зона уменьшалась приблизительно до 28% территории. Лица, затронутые территориальными переделами, могли либо оставаться в своих домах, либо переселиться в турко-кипрский субъект федерации. Наконец, в том, что касалось безопасности, «Комплекс идей» предусматривал демилитаризацию как долгосрочную цель. Тем временем сложился бы количественный баланс между турецкими и турко-кипрскими войсками и военной техникой, с одной стороны, греческими и греко-кипрскими — с другой. Договоры о гарантиях и союзе оставались в силе.

Делегация греков-киприотов во главе с Василиу приняла «Комплекс идей» за основу на переговорах. Турко-кипрская сторона поддержала 91 из 100 пунктов документа. Тем не менее переговоры завершились в ноябре 1992 г. заключением Генерального секретаря о том, что мирный процесс страдает от «глубокого кризиса доверия» между сторонами. К тому же в феврале 1993 г. Георгиос Василиу проиграл президентские выборы более непримиримому Глафкосу Клеридесу, который отверг «Комплекс идей». Прямые переговоры об окончательном статусе застопорились до 1997 г.

Все же процесс вступления Кипра в ЕС неуклонно продвигался вперед. На сессии Совета Европы в Корфу в 1994 г. Европейский Союз решил включить Кипр (и Мальту) в будущий цикл своего расширения. В 1995 г. Совет по общим делам (General Affairs Council) решил начать переговоры с Кипром о вступлении через шесть месяцев после завершения Межправительственной конференции 1996 г. В документе Еврокомиссии 1997 г. «Повестка дня 2000» было заявлено, что переговоры о вступлении в ЕС с Республикой Кипр могли начаться, несмотря на неурегулированность конфликта.

Ввиду перспективы переговоров между разделенным Кипром и ЕС, были возобновлены межобщинные переговоры. Это произошло в июле 1997 г. в Траутбеке, Нью-Йорк, когда ООН представила на рассмотрение предложение, в котором — подобно «Комплексу идей» 1992 г. — предлагалось создать федеративное государство с единым суверенитетом, исходящим в равной степени от обеих общин, с единой международной правосубъектностью и гражданством и состоящим из двух субъектов федерации с идентичными полномочиями. На встрече в Траутбеке делегация греков-киприотов отвергла формулировку суверенитета, «исходящего в равной степени» от обеих общин. Переговоры возобновились в августе 1997 г. в Глионе (Швейцария). Они провалились, на сей раз из-за позиции турок-киприотов. С провалом этих переговоров и началом переговоров о вступлении в ЕС между РК и ЕС Рауф Денкташ отказался от дальнейших прямых переговоров.

С целью выхода из тупика Совет Безопасности ООН в 1999 г. призвал начать «переговоры по доверенности»¹⁴, и с декабря 1999 г. по ноябрь 2000 г. под эгидой ООН состоялось пять раундов. От раунда к раунду становилось ясно, что на этих переговорах по доверенности наблюдается незначительный прогресс — незначительный даже для начала прямых переговоров, не говоря уже об урегулировании. Действительно, СБ ООН позже определил данный процесс как «процедурные пререкания», «словесную гимнастику» и «бокс с тенью»¹⁵. Специальный представитель ООН Альваро де Сото занимался челночной дипломатией и работал над рядом идей по сближению позиций сторон. Их сущность была раскрыта в форме «устных замечаний» в ноябре 2000 г. В декабре 2000 г. турко-кипрская сторона в одностороннем

порядке отказалась от переговоров, и мирный процесс вновь был заведен в тупик. На сессии Совета Европы в Хельсинки в декабре 1999 г. было заявлено, что вступление Кипра в ЕС возможно и без урегулирования на острове. Кажется, что созданы условия для вступления разделенного острова в ЕС.

Тем не менее в ноябре 2001 г. произошел неожиданный — и благоприятный — поворот в турко-кипрской позиции: Рауф Денкташ пригласил Глафкоса Клеридеса для «откровенного» разговора в северной Никосии. Взаимные приглашения на обед создали почву для возобновления прямых переговоров. Переговоры при участии Альваро де Сото начались в январе 2002 г. Ожидалось, что они приведут к заключению всеобъемлющего соглашения к июню 2002 г. Это был крайний срок, который позволил бы сессии Совета Европы — она должна была состояться в Копенгагене в декабре 2002 г. — пригласить весь остров к вступлению в ЕС. И все же по мере того, как проходили очередные раунды переговоров, их участники впадали во все больший пессимизм. Крайний срок прошел, и к лету 2002 г. процесс, судя по всему, зашел в тупик. Публикация плана ООН (далее: план Аннана) в ноябре 2002 г. вдохнула в процесс новую жизнь, поскольку он представлял собой всеобъемлющее предложение по воссоединению острова в рамках ЕС. Стороны тем не менее не смогли достичь соглашения к очередным крайним срокам — 13 декабря 2002 г. (т. е. к сессии Совета Европы в Копенгагене, на которой Кипр приглашался вступить в Союз), 28 февраля 2003 г., 11 марта 2003 г. и, наконец, во время возобновления мирного процесса в феврале-апреле 2004 г.

Каковы были основные особенности плана Аннана? В ноябре 2002 г. и марте 2003 г. были представлены три варианта последнего. Еще два варианта были представлены в марте 2004 г. Эти тексты отличались друг от друга не существенно, но далее мы будем ссылаться на последний, пятый вариант плана. С конституционной точки зрения в плане нашли свое отражение некоторые принципы швейцарской и бельгийской федеральных Конституций. Суверенитет должен был быть распределен, а не воплощен исключительно на одном уровне управления, т. е. оба уровня «суверенно», неиерархическим способом осуществляли бы полномочия, предоставленные им в соответствии с Конституцией. «Суверенное» осуществление полномочий вдохновлялось предыдущим положением ООН, согласно которому суверенитет будет «исходить в равной степени» от обеих сторон. Большинство полномочий было бы передано государствам-учредителям для координации политики в сфере своей компетенции. В этом отношении план Аннана предусматривал менее жестко связанное общее государство, чем то, что предлагалось в «Комплексе идей». Однако следует отметить, что в отличие от федеральных установлений наподобие существующих в Бельгии план Аннана (как и «Комплекс идей») не

позволял субъектам федерации заключать международные договоры во внутренних сферах своей компетенции. (В федеральных структурах, состоящих из нескольких этнических или языковых общин, полномочие заключать договоры является одним из способов подтвердить через Конституцию право этих общин на национальное самоопределение).

Федеративные институты, по плану Аннана, характеризовались бы фактическим политическим равенством сторон, но таким образом, чтобы оно базировалось на прежних предложениях, но вместе с тем и отличалось от них в важных аспектах. В отличие от Конституции 1960 г. и прежних предложений ООН, вместо поста президента предполагалось создание Президентского Совета из девяти членов (в том числе не менее двух турок-киприотов с правом голоса и одного турка-киприота без права голоса), внутри которого вводилась бы ротация президентства каждые 20 месяцев (причем президент и вице-президент являлись выходцами из обоих государств-учредителей). Идея Президентского совета (по образцу швейцарской Конституции) виделась хорошим способом избежать патовой ситуации по вопросу о том, необходима ли ротация президентства. План Аннана принял концепцию ротации, к которой призывала турко-кипрская сторона, но, выдвигая идею Президентского совета, он уменьшил значение ротации, приняв тем самым во внимание опасения греков-киприотов.

Предполагалось, что Президентский совет будет принимать решения по принципу консенсуса (или большинством голосов), а парламент общего государства, состоящий из двух палат, принимал решения простым большинством обеих палат. Следовательно, в отличие от «Комплекса идей», в плане не было предусмотрено полномочий меньшинства заблокировать решение ни на исполнительном, ни на законодательном уровнях. Однако для принятия решений по определенным вопросам требовалось большинство в две пятых голосов сенаторов как от греков-, так и от турок-киприотов — в дополнение к простому большинству. Верховный Суд был бы представлен равным числом греков- и турок-киприотов и служил бы механизмом разрешения споров при условии, если федеральные институты зайдут в тупик. Выборы в нижнюю палату проводились бы на основе гражданства государства-учредителя, а в законодательное собрание государства-учредителя — на основе постоянного места жительства. Напротив, представительство в сенате должно было быть основано на принадлежности к общине (т. е. число греков- и турок-киприотов было бы одинаковым).

Конституционный аспект (который в существенных, хотя и не во всех, отношениях отвечал чаяниям турок-киприотов в большей мере, чем предыдущие предложения ООН) был уравновешен территориальными предложениями, которые предусматривали сокращение Северной зоны примерно до

28,5% территории (включая передачу около 50% территории британских суверенных баз преимущественно греко-кипрскому государству). Территориальные корректировки, в свою очередь, позволили бы приблизительно 90 тысяч перемещенных лиц из числа греков-киприотов вернуть собственность, которой они владели при правлении греков-киприотов. Перемещенным лицам из числа греков-киприотов, которые пожелали бы вернуться на Север, в течение трех-пяти лет вернули бы одну треть стоимости и одну треть площади всех находившихся в их собственности земельных участков. За остальные две трети они получили бы компенсацию. Они не имели бы права на возврат собственности, если их владения к тому времени были бы заняты другими перемещенными лицами или подверглись значительному улучшению (в этом случае они имели бы право на компенсацию).

С точки зрения военной безопасности, до 2011 г. на острове численность греческих и турецких войск была бы одинаковой (по 6 тысяч человек). Армия подлежала бы сокращению до 3 тысяч к 2018 г. (или до момента вхождения Турции в ЕС). После этого численность греческих и турецких контингентов будет снижена соответственно до 950 и 650 человек (как предусматривалось Договором о союзе 1959 г.), целью же является полная демилитаризация. Выполнение соглашения должны были контролировать миротворческие силы ООН, уполномоченные новым мандатом. Предполагалось, что Договор о гарантиях останется в силе и гаранты будут охранять конституционный статус и территориальную целостность не только объединенной Республики Кипр, но и обоих государств-учредителей. План ООН предусматривал также, что Кипр не будет предоставлять свою территорию для проведения международных военных операций без согласия обоих государств-учредителей, а также Греции и Турции вплоть до вступления последней в ЕС.

План (тысячи страниц проектов федеральных законов, международных соглашений и договоров) представлял собой наиболее детальную — и единственную всеобъемлющую с 1960 г. — попытку ООН продвинуть урегулирование. План создавался на базе «Комплекса идей» 1992 г., который в свою очередь основывался на предыдущих предложениях, связанных с соглашениями на высшем уровне 1977 и 1979 гг. и Конституцией 1960 г. План ООН также неизбежно сохранял элемент неопределенности, свойственной прежним предложениям, особенно по вопросам государственного суверенитета. «Комплекс идей» постулировал «неделимый» суверенитет, который будет «исходить в равной степени» от обеих общин. План Аннана аналогичным образом уходил от вопроса суверенитета, говоря о том, что государства-учредители будут «суверенно» осуществлять свои полномочия¹⁶. План Аннана также сохранил неопределенность по вопросу государственной правопреемственности. Сложится ли новый Кипр из агрегации РК и ТРСК

или будет образован в результате принятия изменений в Конституцию РК? Другими словами, источник изначальной учредительной власти остался точно не установленным. Это, казалось, было единственным путем к решению квадратуры круга, какую представляли собой взаимоисключающие позиции сторон.

2.4. Воздействие европеизации на кипрский конфликт

Воздействие европеизации на урегулирование и разрешение конфликта на Кипре имеет два важных измерения. Первое касается структуры ЕС, в которую, как ожидалось, вступит объединенный Кипр, и того, как структура ЕС использовалась посредниками ООН при выработке предложений, сближающих позиции сторон. Второе измерение касается воздействия процесса вступления в ЕС на внутривластные акторов в кипрском конфликте. Ценность структуры ЕС для урегулирования и разрешения конфликта на Кипре из потенциальной превращается в фактическую в той мере, в какой это ценят на внутривластной арене главные стороны конфликта. Только в том случае, если последние рассматривают структуру ЕС как имеющую важное значение, она может внести важный вклад в мирные усилия.

Позвольте начать с первого измерения. В 1990 г. РК в одностороннем порядке подала заявку на прием в ЕС. После высказанного в 1993 г. положительного мнения Еврокомиссии республика приступила к процессу вступления в ЕС, невзирая на возражения Турции и руководства турок-киприотов и скептицизм (по крайней мере вплоть до конца 90-х годов) значительного большинства турко-кипрского населения. Все же к концу 90-х годов, и в особенности после сессии Совета Европы в Хельсинки в 1999 г., остров был настроен на вступление в Союз в 2004 г. Особенно на прямых переговорах 2002 г. стороны хорошо отдавали себе отчет в том, что в декабре 2002 г. на сессии Совета Европы в Копенгагене Кипр примут в Союз. Поэтому посредники ООН разработали план Аннана с целью привязки свободного общающегося государства к структуре ЕС. Как же они использовали положения и характеристики структуры ЕС для того, чтобы сформулировать более приемлемое предложение?

Что касается конституционных вопросов, то важно проводить границу между механизмами, направленными на внутреннее согласование европейских вопросов, и представительством этих внутривластных позиций на уровне ЕС. План Аннана преследовал цель сделать урегулирование в рамках ЕС более привлекательным для скептически настроенной турко-кипрской стороны, поддерживая бельгийскую модель внутреннего согласования по во-

просам вступления в ЕС. В плане говорилось, что «государства-учредители должны участвовать в формулировании и выполнении политики в вопросах внешних связей и политики ЕС в рамках своей сферы компетенции в соответствии с соглашениями о кооперации, составленными по бельгийскому образцу»¹⁷. Таким образом, как и в Бельгии, план Аннана гласил, что различные уровни правительства должны будут координировать свои позиции, чтобы выработать общие позиции, которые будут представлены на уровне ЕС. Бельгийская модель внутреннего согласования основана на принципе консенсуса, по которому каждое участвующее образование (т. е. каждый представитель центра и субъекта федерации) может потенциально использовать свое право вето и таким образом блокировать процесс согласования. Цена несогласия в Бельгии на внутреннем уровне — воздержание в Совете Министров ЕС.

Однако, в то время как формулировки плана Аннана о внутреннем согласовании по вопросам ЕС базировались на бельгийском примере, положения о представительстве в советах ЕС были довольно неопределенны и отступали от бельгийской модели. Статья 19 (3), используя возможности, разрешенные в соответствии со статьей 203 Договора ЕС, гласила: «Кипр должен быть представлен в ЕС правительством общего государства, выступающим в сферах своей компетенции или в тех случаях, когда вопрос в основном входит в сферу его компетенции. В случаях, когда вопрос в основном или исключительно входит в сферу компетенции государств-учредителей, Кипр может быть представлен либо общим государством, либо представителем государства-учредителя, если последний способен выступать от имени Кипра»¹⁸. Это означает, что Кипр, наряду с бельгийской, германской и австрийской федерациями, будет принадлежать к ограниченному числу государств-членов, которые могут быть представлены на уровне ЕС субъектами федерации¹⁹. Однако в отличие от Бельгии, где в сферах компетенции субъектов федерации последняя может быть представлена в Совете Министров только этими субъектами, выступающими в качестве руководителей бельгийской делегации, план Аннана лишь допускает возможность субгосударственного представительства в советах ЕС, не делая его обязательным. В этом отношении положения плана скорее походят на германскую и австрийскую модели представительства, чем на бельгийскую. Тем не менее план не исключает возможности дальнейшего уточнения этих положений. Различные формальные механизмы представительства, используемые федеративными государствами — Бельгией, Германией или Австрией — во многоуровневой структуре управления ЕС, могут быть приняты во внимание при разработке институциональных решений.

По плану Аннана, выполнение законов и правил ЕС, подобно бельгийской системе, было бы также распределено в соответствии с внутренним

разделением полномочий. Если бы, однако, уровень государств-учредителей не выполнил обязательств, взятых перед ЕС, уровень общего государства был бы призван обеспечить выполнение законов и правил ЕС даже по политическим вопросам, которые не входят в сферу его компетенции. Подражая этому аспекту бельгийской модели, план Аннана по Кипру повысил роль уровня государств-учредителей, которые имели бы право осуществлять свои полномочия как внутри общего государства, так и вне его (в Брюсселе).

План Аннана гарантировал, что осуществление *acquis communautaire* ЕС не станет помехой для соглашения. Большинство условий *acquis* было бы осуществлено на Кипре как члене ЕС. Однако Приложение V к плану Аннана (позднее Проект Акта об адаптации, данный в приложении к плану) содержит ряд изъятий из *acquis*, цель которых — смягчить опасения турок-киприотов относительно того, что они будут разорены более многочисленной и более богатой общиной греков-киприотов. Изъятия были также сделаны для того, чтобы сохранить баланс между правами на Кипре государства-члена ЕС Греции и нечлена ЕС Турции. Приложение V должно было стать частью кипрского Договора о вступлении, который будет, в свою очередь, иметь приоритет над правом ЕС.

Что же касается «трех свобод», то при немедленном обеспечении свободы передвижения были бы введены ограничения на свободу поселения и приобретения собственности, постепенная отмена которых планировалась через какое-то время. Турко-кипрские власти могли ограничить права лиц (которые не были резидентами в течение более трех лет) на приобретение собственности на Северном Кипре либо на 20 лет, либо до тех пор, пока ВВП турко-кипрского государства на душу населения останется ниже 85% от ВВП греко-кипрского государства. Это представляло бы собой временное изъятие из *acquis*.

Еще одно временное изъятие из *acquis* состоит в том, что право на жительство для граждан — выходцев из другого государства-учредителя — было бы ограничено по определенной формуле. В первые пять лет действовал бы мораторий; далее (от шести до девяти лет) права на жительство могли быть ограничены, если бы число резидентов — выходцев из другого государства-учредителя — составило более 6% населения любой деревни или муниципалитета. Квоты возросли бы до 12% в период от 10 до 14 лет, а затем (до 19 лет, или до тех пор, пока Турция не вступит в ЕС) — до 18% населения государства-учредителя. После этого государство-учредитель могло бы придерживаться политики ограничения прав на жительство на недискриминационной основе, чтобы сохранить свою «идентичность» (т. е. добиться того, чтобы не менее двух третей постоянных жителей говорили на официальном языке этого государства-учредителя). Эти превентивные меры не привели

бы к постоянным исключениям из *acquis*, поскольку последний допускает ограничения в осуществлении четырех свобод ЕС, если они введены для охраны общественной безопасности и являются недискриминационными по своей природе.

В дополнение к фактическому изъятию из *acquis* относительно свободы собственности на землю и места жительства внутри острова, турко-кипрское государство-учредитель могло принимать временные экономические «превентивные меры» в течение первых шести лет членства в ЕС, если законы ЕС о внутреннем рынке будут угрожать экономическому развитию Северного Кипра.

Аннан в своем плане также попытался заверить Турцию и турок-киприотов в том, что внешнее равновесие (между Грецией и Турцией) будет соблюдаться, несмотря на членство Греции и Кипра в ЕС. Сохранение равной численности греческих и турецких войск (вплоть до вступления Турции в ЕС), пролонгация Договора о гарантиях и исключение Кипра из возможной сферы действия Европейской политики в сфере безопасности и обороны создавало баланс в сфере безопасности и обороны. В экономической сфере соглашение предусматривало, что Кипр предоставит как Греции, так и Турции статус «наиболее благоприятствуемой нации» и введет в действие правила таможенного союза между ЕС и Турцией.

Составители плана также постарались сохранить баланс между Грецией и Турцией в сферах приобретения собственности, места жительства и передвижения людей, предлагая распространить те же права на греческих и турецких граждан применительно к Кипру. В течение 19 лет или до тех пор, пока Турция не вступит в ЕС, право греческих (турецких) граждан проживать на Кипре будет ограничено, если их число составит более 5% числа резидентов — граждан греко-кипрского (турко-кипрского) государства-учредителя. Эти ограничения также учитывали озабоченность греко-киприотов в связи с присутствием турецких поселенцев на Северном Кипре. В плане также указывалось, что греческие и турецкие граждане будут пользоваться равными возможностями передвижения на Кипр и с Кипра. В плане не уточнялось, обуславливает ли это неучастие Кипра в Шенгенской системе и будут ли на Турцию на Кипре распространяться дополнительные льготы, несмотря на ее неучастие в ЕС (и невключение в безвизовый перечень ЕС).

Позвольте теперь обратиться ко второму измерению европеизации кипрского конфликта, а именно воздействию процесса вступления в ЕС на внутривосточных акторов. Вопрос здесь состоит в том, до какой степени и посредством каких механизмов оценивались противоборствующими сторонами особенности структуры ЕС? И каким, в свою очередь, было воздействие процесса вступления в ЕС на главные стороны конфликта? При об-

суждении значения европеизации кипрского конфликта отправная точка — это дифференцированная интерпретация и ценность европеизации для внутривнутриполитических акторов, которые имеют различные интересы и различные идеологические позиции. На этих внутривнутриполитических акторов европеизация оказывает двоякий эффект. С одной стороны, она преобразует их идеологические и переговорные позиции. Это происходит посредством как изменения структуры внутренних возможностей, так и более диффузного процесса социального обучения (см. главу 1). С другой стороны, европеизация использовалась внутривнутриполитическими акторами для легитимизации своих идеологических позиций и продвижения своих интересов. Стоит подчеркнуть тот факт, что на Кипре, вследствие неизбежного вступления в ЕС, «европеизация» является синонимом «ЕС-изации».

Процесс вступления в ЕС, особенно на его заключительной стадии (которая совпала с последними посредническими усилиями ООН), оказал неодинаковое воздействие на политические элиты греков- и турок-киприотов²⁰. Он побудил более умеренные силы на Кипре стать активнее в поиске решения до вступления в ЕС, хотя это одновременно способствовало ужесточению позиций наименее гибких сил. Учитывая крайние сроки графика вступления Кипра в ЕС, сторонники скорого решения по необходимости поддержали план Аннана как основу для соглашения.

Если приступить к анализу начиная с греко-кипрской стороны, то прежде всего важно отметить, что решение направить заявку и добиваться приема в ЕС в начале 90-х годов XX в. было связано с желанием укрепить позиции греков-киприотов на переговорах. Во-первых, процесс вступления в ЕС и окончательное членство в ЕС подтвердили бы статус РК как единственного законного правительства на острове, что еще более дискредитировало бы ТРСК и предоставило бы РК дополнительный форум для отстаивания своего дела. Во-вторых, процесс вступления Кипра в ЕС создал бы новые рычаги влияния греков-киприотов на Турцию как из-за ожидаемого повышения нажима ЕС на Турцию, так и из-за стремления самой Турции войти в Союз. В-третьих, членство в ЕС предоставило бы греко-кипрской общине решающие преимущества в сфере безопасности, учитывая невероятность турецкого нападения на государство-член ЕС. Наконец, с выполнением *acquis communautaire* членство в ЕС создало бы структуру для обеспечения свобод передвижения, собственности и поселения.

С точки зрения этих факторов, процесс вступления в ЕС имел разнообразные последствия для греко-кипрской политической элиты. Президент Клеридес казался гораздо более склонным идти на компромисс в 2002—2003 гг., чем в 1993 г., когда он впервые выиграл президентские выборы, выдвинув предложение отвергнуть «Комплекс идей»²¹. В основе этой пере-

мены, по-видимому, лежат три ключевые причины. Первая причина внутренняя. Различные избирательные альянсы в ходе кампаний по выборам президента 1993 и 1998 гг. отчасти объясняют разницу в декларируемых и существенных позициях Глафкоса Клеридеса. Две другие причины внешние и глубинным образом связаны с продолжающимся процессом европеизации на Кипре. Процесс вступления в ЕС и перспектива членства в нем в скором будущем наполняли греко-кипрские политические элиты уверенностью в безопасности. Это повысило готовность умеренных сил пойти на новые уступки (вроде признания роли Турции в системе безопасности Кипра или признания ограничений числа возвращающихся греков-киприотов). В этом отношении снятие кондициональности с греко-кипрской стороны в 1999 г. (т. е. допущение возможности вступления Кипра в ЕС без предъявления условия в виде достижения урегулирования), возможно, имело положительное влияние на позиции бывшего лидера греков-киприотов.

Европеизация также имела косвенные последствия для Кипра в смысле продолжающейся европеизации Греции, особенно в области внешней политики. Быть греко-кипрским националистом в 2003 г. имело абсолютно иной смысл по сравнению с тем, что это значило в 1993 г. И это произошло благодаря преобразованию Греции, в течение двух десятилетий бывшей членом ЕС²². Членство в ЕС способствовало трансформации греческих правительств как на уровне дискурса и способа действий (например, занятие все более умеренных позиций и принятие решений международными организациями), так и на уровне восприятия и понимания интересов. В области внешней политики, в частности, в 1999 г. правительство Симитиса сделало исторический поворот на 180 градусов в официальной позиции по отношению к Турции, выступая за принятие ее в ЕС, а не наоборот. Кипрское урегулирование существенно снизило бы возможность появления серьезной трещины в отношениях между ЕС и Турцией, а это — что наиболее важно — укрепило зарождающееся греко-турецкое сближение. Отсюда сравнительно сильная поддержка Грецией плана Аннана в 2002–2003 гг., что, в свою очередь, сдерживало критику этого плана со стороны греко-кипрских политиков (оппозиционных)²³.

В той мере, в какой греко-кипрское правительство к 2002 г. искренне желало достичь урегулирования, крайний срок вступления в ЕС, возможно, увеличил для них стимулы заключить соглашение раньше²⁴. Греко-кипрские официальные лица не придавали большого значения угрозам аннексии Кипра со стороны Турции, вместе с тем они отдавали себе отчет в том, что международная и внутренняя динамика, нарабатанная в 2002 г., исчезнет в 2003 г. (как в действительности и случилось, она лишь ненадолго возникла вновь в начале 2004 г.). Если шанс заключить соглашение до вступления Кипра в ЕС был упущен, несмотря на более сильную позицию греков-киприо-

тов на переговорах, после их вступления в ЕС это стремление могло остаться латентным при отсутствии межобщинных переговоров (по крайней мере до того, как смутные перспективы вступления Турции в ЕС не станут более ясными). Кроме того, время могло работать против греков-киприотов, учитывая тенденции эмиграции турок-киприотов с Кипра и турецкой иммиграции на остров. Поэтому «крайний срок» ЕС, возможно, укрепил подлинную решимость греков-киприотов уладить конфликт.

Нельзя, однако, сказать то же самое о нынешней администрации Пападопулоса, находящейся у власти с февраля 2003 г. Как отмечалось выше, ряд греко-кипрских аналитиков считают, что, хотя Тассос Пападопулос, возможно, вынужденно согласился с планом Аннана в Гааге в марте 2003 г., он стал проявлять большое нежелание принять первоначальный план после подписания Договора о вступлении в ЕС в апреле того же года²⁵. Добившись приема в ЕС и пользуясь уклончивой позицией правительства «Новой демократии» в Афинах (находящейся у власти с марта 2004 г.), Пападопулос в апреле 2004 г. почувствовал, что ничто не мешает ему окончательно отвергнуть план Аннана. Президент ясно осознавал, что после вступления Кипра в ЕС переговорная позиция греков-киприотов станет более сильной. Отвергая план, президент Тассос Пападопулос, очевидно, рассчитывал, что сможет использовать свою усилившуюся позицию на переговорах вследствие договоренности о приеме Кипра в ЕС, чтобы добиться более выгодного для себя соглашения. Мало того, что Кипр как государство-член ЕС сможет оказывать давление на Турцию, препятствуя ее вступлению в ЕС, он также будет находиться в более сильной позиции, которая позволит отвергнуть любые условия, противоречащие *acquis* ЕС. Иными словами, модель II кондициональности ЕС, которую ЕС принял в 1999 г. и на основании которой Союз предлагает привилегированный доступ в ЕС лишь более крупной единице (см. главу 1), может иметь неблагоприятные последствия для нынешнего греко-кипрского руководства. Кроме того, после фактического вступления Кипра в ЕС в мае 2004 г. многие изъятия из *acquis*, включенные в Приложение V плана Аннана, отныне будут неосуществимы, поскольку не будут включены в Договор о вступлении.

Греко-кипрский дискурс, используемый для критики условий Приложения V плана Аннана, особенно интересен. В то время как в прошлом непримиримые позиции облекались в терминологию прав человека и мажоритарной демократии, процесс вступления в ЕС позволил использовать гораздо более определенные и обязывающие формулировки *acquis* для того, чтобы узаконить негибкость позиций. Ограничения численности греков-киприотов на Севере Кипра, свобод поселения и собственности, предельные цифры численности греческих граждан, проживающих на Кипре, и экономиче-

ские гарантии туркам-киприотам подвергаются критике за то, что являются недостаточно «ЕС-изированными».

Что касается турок-киприотов, то процесс вступления в ЕС, по-видимому, имел свои самые существенные отрицательные последствия между 1993 и 2001 гг. Это произошло потому, что демонстрация как издержек, так и преимуществ от членства в ЕС для их общины часто основывалась на дезинформации относительно ЕС или существующей практики в Союзе. Как следствие, блага, предоставляемые членством в ЕС, не были адекватно оценены властями турок-киприотов, в результате чего они не могли пойти на уступки с целью разрешения конфликта. К тому же в течение всего периода вступления Кипра в ЕС турко-кипрские официальные лица сетовали на отсутствие адекватной информации от чиновников Еврокомиссии, что приводило к манипуляциям вокруг процесса вступления в ЕС со стороны тех, кто не хотел видеть заключенным соглашение по Кипру.

Главный стимул, предложенный Еврокомиссией туркам-киприотам, был экономический. Но в обстановке международной изоляции, созданной введением эмбарго и торговых ограничений, предложение экономических благодетей на определенных условиях имело неблагоприятные последствия. Ряд турко-кипрских и турецких официальных лиц заклеили предложенные экономические стимулы как «подкуп». Они утверждали, что общий объем предлагаемой помощи лишь приблизительно соответствовал ежегодным трансфертам из Турции (около 160—200 млн долл. в год). Они также доказывали, что, если бы европейцы были искренне заинтересованы в благосостоянии турок-киприотов, они не ограничивали бы торговлю с 1994 г. Постановление Европейского суда юстиции 1994 г., запретившее экспорт изделий, имеющих турко-кипрскую документацию, истолковывалось как преднамеренная и неэтичная попытка ЕС задуть экономику Севера и вынудить турок-киприотов подчиниться требованиям греков-киприотов. ЕС все еще торгует с Тайванем, несмотря на непризнание им независимости Тайваня. Зачем же тогда ЕС ввел торговое эмбарго в отношении турок-киприотов, если не для оказания давления на турко-кипрскую сторону?

Кроме того, по мнению турко-кипрских и турецких официальных лиц, характер игры с нулевой суммой, свойственный приобретениям греков-киприотов от членства в ЕС, автоматически заставлял руководство турок-киприотов расценивать вступление в ЕС как угрозу, сокращая тем самым их стимулы к достижению соглашения, которое повлекло бы за собой принятие всего острова в ЕС. Хуже всего было то, что вплоть до конца 2001 г. акторы ЕС не сумели убедить стороны в том, что многие из этих субъективно воспринимаемых угроз были на самом деле основаны на серьезных заблуждениях относительно права и политики ЕС. Есть основания полагать, что

нежелающие достичь соглашения знали, что их позиции были основаны на ложных представлениях о Союзе. И все же, если бы Еврокомиссия или государства-члены ЕС проводили систематические информационные кампании о возможных способах урегулирования в рамках ЕС, они могли бы с большей легкостью опровергнуть позиции непримиримых, которые подкрепляли свои позиции некорректными рассуждениями.

Вплоть до конца 2001 г. акторы ЕС недостаточно серьезно выступали против мнения, сводившегося к тому, что членство Кипра в ЕС настоятельно требует наличия централизованного государства с тем, чтобы выступать в ЕС с единых позиций. ЕС не сообщал турко-кипрской стороне о возможности сглаживания различий внутри своей структуры между полноценной государственностью и субъектами федерации с высокой степенью автономии. Ряд решений ЕС, таких как постановление Европейского суда юстиции 1994 г. о запрете экспорта для турок-киприотов, подчеркнул значение признанной государственности. Уполномоченные Еврокомиссии также не сделали ничего, чтобы опровергнуть уверенность турок-киприотов в том, что двухзональность внутри ЕС требует скорее конфедеративного, чем федеративного устройства. Право ЕС гарантирует свободы между государствами-членами (а не внутри них). Так, если бы гипотетически оба руководства согласились на ограничения исключительно в пределах федеративного Кипра и вступили бы в ЕС каждое как отдельное государство-член, то, строго говоря, это не потребовало бы изъятий из *acquis*. Изъятия были бы в большей степени необходимы, если бы в Союз вступили два государства или конфедерация.

Наконец, дебаты на Севере Кипра страдали из-за серьезной дезинформации относительно того, как скажется членство в ЕС на отношениях с Турцией. Аргумент последней против членства Кипра в ЕС состоял в том, что это нарушит условия 1960 г., предоставлявшие статус «наиболее благоприятствуемой нации» трем державам-гарантам. Однако совместное участие Кипра, Греции и Турции в таможенном союзе (как составной части таможенного союза Турции-ЕС) должно автоматически снять эти опасения. Турецкая сторона также утверждала, что членство в ЕС сделает любую будущую гарантию ее безопасности устаревшей и что Силы быстрого развертывания ЕС (СБР) могут быть мобилизованы для того, чтобы удалить турецкие войска с Кипра. Однако мандат СБР не выходит за рамки ограниченных задач по поддержанию мира. Идея о гипотетической военной интервенции ЕС на Кипре против Турции являлась мифом, который официальными представителям ЕС слишком долго не удавалось ее опровергнуть.

Из-за этих опасений на протяжении 90-х годов XX в. правящая элита турок-киприотов и ТРСК поддерживали членство в ЕС только при условии

урегулирования и/или вступления в ЕС Турции. Членство в ЕС после урегулирования на Кипре смягчило бы потенциальные угрозы от вступления в ЕС, тогда как членство в ЕС Кипра вместе с Турцией обеспечило бы дополнительные гарантии безопасности. Таким образом, в условиях, когда процесс вступления Кипра в ЕС стал продвигаться вперед, а путь Турции в ЕС был заблокирован, те турки-киприоты, которые поддерживали членство в ЕС только после вступления в него Турции, стали проявлять еще большее нежелание пойти на заключение соглашения. К тому же большая часть националистических сил на Севере Кипра оценивала вступление в ЕС разделенного острова по принципу «нет худа без добра». Некоторые высокопоставленные чиновники утверждали, что вступление в ЕС разделенного Кипра могло бы уладить конфликт на базе разделения. Не имея признанной независимости, некоторые официальные лица готовы были согласиться на постепенную интеграцию с Турцией. Другими словами, по мере того, как Союз постепенно переходил от кондициональности по модели I (в 1993 г.) к модели II (в 1999 г.) (см. главу 1) по отношению к Кипру, без стратегии вступления Турции в ЕС, турко-кипрские власти стали проявлять меньшее желание добиваться соглашения о воссоединении острова.

Растущий нажим на Денкташа в 2002–2003 гг. свидетельствует: соблазн вступления в ЕС действительно создавал важные стимулы для турко-кипрской общественности. В самом деле, парламентские выборы на Севере 14 декабря 2003 г. привели к беспрецедентной победе оппозиционных сил. По результатам выборов обе партии националистического толка – Партия национального единства (ПНЕ) во главе с бывшим премьер-министром Дервишем Эроглу и Партия демократов (ПД) во главе с Сердаром Денкташем (они обе проявляли скептицизм относительно плана Аннана) – завоевали такое же число мест в парламенте, как и обе левоцентристские партии – Республиканская партия (РП) во главе с Мехметом Али Талатом и Движение за мир и демократию (ДМД), возглавляемое Мустафой Акинджи (ранее Движение проводило кампанию в пользу плана Аннана и за вступление в ЕС). После выборов в январе 2004 г. было сформировано новое правительство из членов левоцентристской (и выступавшей за план Аннана) РП и правоцентристской (и скептически настроенной к плану Аннана) ПД. Лидер левоцентристов Мехмет Али Талат впервые получил пост премьер-министра на Северном Кипре. С возобновлением мирного процесса в феврале 2004 г. и после неудачной попытки достичь соглашения в марте 2004 г. значительное большинство турко-кипрской общественности (65%) выступило в поддержку плана Аннана (в приданной ему ООН окончательной форме) на референдуме 24 апреля 2004 г., несмотря на то, что он был отвергнут президентом турок-киприотов.

Чем же объясняются эти острые политические процессы на Северном Кипре? В то время как правительство по-прежнему отвергало экономические стимулы как дешевый подкуп с тем, чтобы настроить народ против своего правительства, идея привлекательности членства в ЕС, видимо, все же находила все больше сторонников среди общественности. Это в немалой степени объяснялось тем, что экономическая ситуация на Севере начиная с 1999 г. неуклонно ухудшалась. Однако в основе общественного беспокойства, очевидно, лежал не просто страх перед бедностью, обостренный тягой к процветанию под сенью ЕС. Скорее это был страх перед тем, что экономические невзгоды и изоляция приведут к исчезновению турок-киприотов как самоуправляющейся и самобытной общины на Севере Кипра, что турки-киприоты просто исчезнут вследствие эмиграции. Эти тенденции, думали они, усилятся после вступления Кипра в ЕС, поскольку правительство греков-киприотов сделает паспорта ЕС доступными для всех киприотов.

Другим последствием изоляции была все большая зависимость от Турции, которая все чаще вызывала у представителей турко-кипрской общественности ощущение того, что они не являются субъектом демократического самоуправления, а контролируются Анкарой. Они в бедности и изоляции всё больше видели не просто «экономические» вопросы, но и факторы, связанные с безопасностью и идентичностью. Они все чаще стали говорить, что их самоопределение и безопасность зависят от членства в ЕС и урегулирования кипрской проблемы. Иными словами, изоляция турок-киприотов увеличила их желание вступить в Союз, расценивая его отчасти в качестве механизма для обеспечения демократического самоуправления на Севере Кипра.

Перспектива вступления в ЕС Турции была также жизненно важным фактором в мобилизации турко-кипрской оппозиции и общественного мнения в 2002-2003 гг. Лидеры оппозиции турок-киприотов согласились с тем, что массовая мобилизация была бы невозможна, если бы после декабрьской 1999 г. сессии Совета Европы в Хельсинки не был запущен процесс вступления Турции в ЕС²⁶.

Наконец, мобилизация общественности в поддержку членства в ЕС была связана с публикацией плана Аннана, в котором было показано, как разрешение кипрской проблемы и членство Кипра в ЕС смогут удовлетворить основные потребности турок-киприотов, а также снять многие опасения турецких киприотов относительно членства в ЕС.

Последнее решающее измерение последствий деятельности ЕС на Кипре касается Турции. Перспектива вступления Турции в ЕС несколько прояснилась со времени сессии Совета Европы в Хельсинки в 1999 г. Это создало благоприятные перспективы для урегулирования на Кипре. Фундаментальная амбивалентность Турции и ЕС по вопросу принятия в ЕС Турции, одна-

ко по-прежнему отрицательно сказывается на усилиях в целях разрешения конфликта. Те силы в Турции, которые были скептически настроены к членству Турции в ЕС (главным образом из-за внутренней трансформации, которая за этим последует), яростно отвергали любую связь между кипрским урегулированием и вступлением Турции в ЕС. Националисты утверждали, что Кипр был вопросом национальной безопасности, которой нельзя поступиться ради ЕС. По мнению многих аналитиков, националисты и «евроскептики» рассчитывали на «непримиримость» турок-киприотов, которая должна помешать урегулированию на Кипре. Отсутствие урегулирования возвело бы дополнительный барьер в отношениях между ЕС и Турцией. Это, в свою очередь, уменьшило бы нажим ЕС на Турцию с тем, чтобы она решилась на проведение трудных реформ, а это дало бы ей возможность аннексировать Северный Кипр.

Те же, кто, напротив, искренне одобрял полноправное членство Турции в ЕС, были готовы признать наличие связи между урегулированием и отношениями ЕС с Турцией и потому стали активнее ратовать за изменение турецких позиций с тех пор, как Турции был предоставлен статус кандидата на вступление в ЕС в декабре 1999 г. Приход к власти ПСР (Партия справедливости и развития) в Турции в 2002 г. обусловил недвусмысленные изменения в кипрской политике Турции. В полном контрасте с прежними администрациями правительство ПСР решило открыто подтвердить связь между процессом вступления Турции в ЕС и урегулированием на Кипре.

И все-таки даже после сессии Совета Европы в Хельсинки в 1999 г., на которой Турции был предоставлен статус кандидата на вступление в ЕС, недостаточное доверие к политике ЕС в отношении Турции укрепило аргументы националистов и «евроскептиков» в Турции и на Северном Кипре, которые выступали против скорейшего урегулирования в рамках ЕС. Умеренные в Турции признали тот факт, что вследствие упущений самой Турции Кипр войдет в ЕС раньше нее. Однако они не могли согласиться с тем, что ввиду неизменных особенностей турецкого государства и общества (например, культуры, религии и географии) Кипр будет являться тем рубежом, где будут пролегать границы объединенной Европы, и при этом Кипр и Турция будут находиться на противоположных сторонах от линии европейского водораздела. Следовательно, чем больше позиции и решения ЕС вызывали недоверие к Союзу Турции и чем меньше доверия внушали позиции турецких умеренных элементов, тем Турция становилась менее склонной к разрешению конфликта. В декабре 2002 г. правительство осознало, что кипрское урегулирование в рамках ЕС будет равнозначно «потере Кипра». События показали, что Копенгагенское предложение ЕС рассмотреть (в декабре 2004 г.) возможность начала переговоров с Турцией о вступлении в ЕС было недоста-

точно, чтобы побудить Турцию и турок-киприотов подписать соглашение в тот момент. Эта неудача, вызванная ошибочной тактикой турок на переговорах, была фундаментально связана с недоверием Турции к Европе. Одного нажима было недостаточно, чтобы убедить Турцию пойти на соглашение.

Мы не хотим этим сказать, что Турция решила отказаться от урегулирования в рамках ЕС. На протяжении 2003 г. лица, определявшие политику Турции, продолжали испытывать колебания. Тот, кто проявлял скептицизм относительно будущего Турции в Европе, упорствовал в своей оппозиции к членству Кипра в ЕС, а следовательно, к плану ООН. Те же, кто выступали за вхождение Турции в ЕС, но был не удовлетворены Копенгагенскими предложениями, предлагали отложить урегулирование до того, как прояснятся перспективы приема Турции в ЕС (т. е. до декабря 2004 г.). Другие сторонники вхождения в Европу выступали за скорейшее урегулирование на основе плана ООН. Они отдавали себе отчет в том, что после вступления Кипра в ЕС (май 2004 г.) будет трудно достичь благоприятного для Турции соглашения и что в будущем международное бремя, в частности, бремя кондициональности ЕС будет возложено на Турцию. К февралю 2004 г. те силы в Турции, которые стремились к скорейшему урегулированию, казалось, одержали верх. После образования правительства на Северном Кипре Совет по национальной безопасности Турции в конце января 2004 г. провел совещание по кипрскому вопросу. Оно закончилось принятием Турцией (и турками-киприотами) обязательства возобновить прямые переговоры и использовать план Аннана в качестве «рекомендации» для соглашения (подчеркнем, не как «основы»). Однако вскоре после этого премьер-министр Турции Эрдоган сделал еще один шаг: на Всемирной экономической встрече на высшем уровне в Давосе он заявил Кофи Аннани, что Генеральный секретарь ООН имеет полномочия «заполнить пустоты», если стороны не смогут договориться об изменениях плана. После этого Генеральный секретарь провел встречу сторон в Нью-Йорке, чтобы наметить график переговоров.

На встрече в Нью-Йорке турецкая и турко-кипрская стороны представили трехэтапный график достижения соглашения перед вступлением Кипра в ЕС 1 мая. На первом этапе должны были возобновиться переговоры между двумя кипрскими администрациями с целью достичь соглашения на основе плана. На втором этапе (при условии, что первый не завершится заключением соглашения) предполагалось вмешательство Греции и Турции для достижения взаимоприемлемого решения. На третьем и заключительном этапе (если соглашение не будет достигнуто) Генеральный секретарь добавил бы последние штрихи к плану, который затем будет вынесен в обеих общинах (а затем в парламентах Греции и Турции) на отдельные референдумы.

На всех трех этапах турецкое правительство сохраняло бы приверженность своим обязательствам и поддерживало окончательный вариант плана Аннана, вынесенного на отдельные референдумы. Хотя это и не привело бы к консенсусу внутри элит, способность правительства отстаивать свою позицию указывала на решающее изменение баланса сил внутри правящей элиты.

По нашему мнению, хотя «кнут», которым являлось вступление Кипра в ЕС, оказался недостаточным, чтобы побудить турецкую сторону активнее искать приемлемое решение, «пряник» в виде процесса вступления в ЕС самой Турции (вкуче с изменениями во внутривнутриполитической динамике в Турции) привел к переменам в государственной политике Турции по Кипру. Большая готовность Турции урегулировать конфликт при правительстве ПСР очевидна. Она в значительной степени была обусловлена беспримерно твердым курсом правительства на вступление в ЕС (что проявляется также в его настойчивости в проведении внутренних реформ), а также тем, что переговорщики ЕС акцентировали связь между отношениями ЕС и Турции и урегулированием конфликта. Однако без более весомых обязательств ЕС перед Турцией начиная с 1999 г. и особенно с декабря 2002 г., «кнут» подобной привязки (между урегулированием и процессом вступления Турции в Союз), вероятно, оказался бы не столь действенным.

ЕС оказывал влияние на кипрский конфликт как прямо, в результате условий, предъявляемых сторонам в связи с процессом вступления в него, так и через эндогенные процессы социальных перемен внутри главных сторон конфликта, которые отчасти были вызваны вступлением в ЕС. Что касается процесса вступления Кипра в ЕС, то в 90-е годы XX в. Союз перешел от модели кондициональности I к модели кондициональности II. Это, возможно, оказало некоторое положительное влияние на бывшее греко-кипрское руководство, породив у него чувство большей безопасности. Но в целом это не заставило греков-киприотов встать на умеренные позиции и, возможно, уменьшило для греко-кипрского правительства стимулы к поиску скорейшего решения конфликта.

Переход к модели кондициональности II не заставил встать на умеренные позиции и руководство турок-киприотов, не говоря уже о революционной смене режима. Напротив, позиции турко-кипрского руководства за 90-е годы XX в. ужесточились. Они начали меняться с конца 2001 г., и результаты парламентских выборов на Севере 14 декабря 2003 г., несомненно, указывают на явный и беспрецедентный рост силы и популярности оппозиционных сил, и в особенности их позиции по урегулированию и вступлению в ЕС, о чем также свидетельствуют результаты референдума.

Кондициональность ЕС, по всей видимости, достигла некоторых намеченных результатов в последние три года, по мере того, как Кипр прошел до

конца свой путь к вступлению в ЕС и, что может быть еще важнее, в декабре 1999 г. начался процесс вступления в ЕС Турции. Однако проблемы, осложнявшие отношения между ЕС и Турцией с 1999 г., также омрачали перспективы кипрского урегулирования. В частности, отношения между ЕС и Турцией характеризуются двумя проблемами: несогласованностью во времени и различной ценностью, придаваемой благам от вступления в ЕС различными внутриполитическими акторами (см. главу 1). От Турции как кандидата требуют уступок еще до того, как материализуются фактические выгоды. Это, в свою очередь, создает неуверенность и заставляет турецких политиков откладывать то, что они считают уступками, до тех пор, пока срок предоставления благ не приблизится и вероятность их не станет более определенной. Кроме того, турецкая внешняя политика в немалой степени зависит от того, какие силы берут верх внутри турецкого истеблишмента и как высоко он оценивает перспективу вступления в ЕС.

Вторая, и в общем, пожалуй, даже более важная, форма внутренних изменений, имевших место за последнее десятилетие, связана с процессом социального обучения (см. главу 1). Можно прийти к заключению, что внутри Греции, Турции и Кипра первые позитивные признаки трансформации позиций и субъективно воспринимаемых интересов вызревают медленно. В Греции это проявилось в поддержке правительством ПАСОК предложений Генерального секретаря от 2002 г. и постепенной интеграции Турции в Союз. После мартовских 2004 г. выборов в Греции пока еще не ясно, касается эта трансформация лишь предыдущего правительства Греции или же она влияет на греческую политическую систему в целом (а тем самым также и на нынешнее правительство «Новой демократии»). На Южном Кипре это с наибольшей очевидностью проявилось в позициях команды Глафкоса Клеридеса, хотя широкая общественность в меньшей степени разделяет данную позицию. На Северном Кипре наблюдается обратная картина — общественность идет далеко впереди своего руководства, когда речь заходит о пересмотре его позиций на будущих выборах. В то время как в Турции еще не пришли к консенсусу, первые признаки перемен появились с приходом к власти правительства ПСР в Анкаре. В этих постепенных и эндемических процессах преобразований или «европеизации» ЕС является символом надежды.

2.5. Возможные результаты в ближайшем будущем

Для тех, кто ратует за скорейшее урегулирование внутри ЕС (по обеим сторонам от «зеленой линии», в Греции и Турции), план Аннана остается

единственно реальным подходом. Благодаря тому, что он подробно разработан и включает тесно взаимосвязанные (хотя и несовершенные) компромиссные положения, любая альтернатива, существенно отличающаяся от нынешнего предложения, не может быть реально выработана сторонами в краткосрочном плане. Скорое решение означало бы, что независимо от того, приведут ли возобновившиеся переговоры к взаимно согласованным изменениям плана, слегка модифицированный план будет вновь вынесен на референдум в обеих частях острова либо нынешний — пятый — вариант плана будет вынесен на референдум только на Южном Кипре.

План Аннана — единственно возможное «решение» в ближайшей перспективе, но ввиду того, что план отвергнут греко-кипрской стороной, маловероятно, что мирный процесс в скором времени возобновится. Во-первых, трудно убедить Секретариат ООН вновь участвовать в мирном процессе после очередных неудач марта 2003 г. и апреля 2004 г. Во-вторых, если предположить, что мирный процесс возобновится, но не будет выдвинут существенно иной план, нынешний план Аннана вряд ли будет принят греко-кипрской общественностью (учитывая, что число его сторонников должно было бы возрасти более чем на 25%). В-третьих, даже если будет предложен план, более благоприятный для греко-кипрской стороны, турко-кипрская и турецкая стороны вряд ли примут его. Выше было показано, как хрупкое равновесие на Севере Кипра и в Турции начало меняться в пользу более умеренных сил, что, однако, не означает, что они не встречают сильной оппозиции. Принятие плана, который будет более соответствовать интересам греков-киприотов за счет, по их собственному мнению, турок-киприотов — вероятно, есть нечто такое, что нынешние власти как в Северном Кипре, так и в Турции не могут допустить.

Так каков же возможный выход из ситуации в том случае, если ход событий останется прежним? Один из вариантов состоит в том, что в будущем греко-кипрская сторона сумеет добиться более «федеративного» решения, которое напоминает скорее ее предложения 1989 г., чем нынешний план ООН. Согласно предложениям Национального Совета РК от 1989 г., Федеративная Республика Кипр являлась бы продолжением ныне существующей Республики Кипр, которая будет федерализована путем принятия новой Конституции. Центр будет располагать большими полномочиями (чем это предусмотрено планом Аннана), и это, в свою очередь, будет отражено в представительстве Кипра в Совете Министров ЕС. Возможно, наиболее кардинальное положение состоит в том, что греко-кипрская сторона хотела бы отменить — или по крайней мере ослабить — ограничения, введенные на возвращение беженцев, свободы поселения и приобретения собственности. Это, в свою очередь, могло бы привести к более быстрому возвращению

к состоянию этнически смешанных территорий, каким оно было до 1974 г. Наконец, при таком варианте произошел бы более быстрый и более масштабный вывод турецких войск и поселенцев, были бы установлены более четкие международные гарантии осуществления плана наряду с дальнейшей эрозией — если не отменой — гарантий, предоставленных туркам.

Такое решение могло бы быть реализовано в результате укрепления позиции греков-киприотов на переговорах и ослабления позиций Турции и турок-киприотов. Усиление позиции греко-кипрской стороны явится результатом вступления РК в ЕС в мае 2004 г. Ослабление переговорной позиции Турции произошло бы в том случае, если бы ЕС применил к Турции модель полной кондициональности с целью разрешения конфликта, невзирая на провал мирного процесса в 2004 г. вследствие позиции греков-киприотов. Однако, чтобы такая форма давления была эффективной, должны быть удовлетворены два взаимосвязанных условия. Во-первых, нужно укрепить консенсус в Турции относительно императива членства в ЕС и выполнения всех необходимых условий (включая практически любое кипрское решение). Во-вторых, необходимо принять твердое обязательство государств-членов: если Турция выполнит свои условия, она будет принята в полноправные члены ЕС. Ныне мы далеки от достижения этого двойного консенсуса.

Если этот двойной консенсус не будет достигнут в среднесрочной перспективе, то Кипр может дрейфовать в направлении консолидации «зеленой линии». На момент написания этой статьи, в мае 2004 г., это является наиболее вероятным сценарием. Это может привести либо к постепенной (де-факто) интеграции Северного Кипра с Турцией (сценарий, который не поддерживают ни нынешнее турецкое правительство, ни турко-кипрский народ), либо к продолжению статус-кво в той или иной форме. Жизнеспособность статус-кво на Севере Кипра будет в большой степени зависеть от подхода, принятого международным сообществом, в особенности ЕС. При нынешней полной политической и экономической изоляции статус-кво может вылиться во всё большую тюркизацию Северного Кипра (вследствие эмиграции турок-киприотов в Западную Европу и иммиграции турок на остров). Если же государства-члены ЕС и греко-кипрское правительство придут к выводу, что такой сценарий не в их интересах, могут быть предприняты меры по прекращению изоляции Севера (то есть по снятию торговых ограничений и эмбарго).

Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. После фиаско мирного процесса ЕС решил предоставить помощь турко-кипрской общине на сумму 259 млн евро, т. е. столько, сколько предполагалось выделить Северному Кипру согласно сценарию воссоединения. Совет Европы также ре-

шил допустить экспорт продукции турок-киприотов при сертификации его турко-кипрской Торговой палатой и под наблюдением ЕС. Однако эти шаги еще не свидетельствуют о нормализации экономических связей с Северным Кипром. Прецедент Тайваня указывает на то, что международное признание не является необходимым условием для экономической нормализации. Однако в контексте ЕС (или, скорее, в том случае, если юридически Кипр целиком будет принят в Союз, но де-факто Северный Кипр в него не будет допущен) по-прежнему неясно, как достичь нормализации. Тем не менее, если в рамках расширенного ЕС будет проявлена необходимая политическая воля и последний выполнит свои обещания не оставить турок-киприотов за бортом, то новое средство подлинной нормализации положения на Севере может быть найдено. И в самом деле, именно так можно наилучшим образом содействовать будущему воссоединению острова, т. е. цели, которая по-прежнему отвечает интересам всех внутренних и внешних сторон конфликта.

Библиография

Axt H.-J., Brey H.(eds). *Cyprus and the EU: New Chance for Solving an Old Conflict*. Munchen, Sudosteuropa-Gesellschaft, 1997.

Bahceli T. *The Lure of Economic Prosperity Versus Ethno-Nationalism: Turkish Cypriots, the EU Option, and the Resolution of Ethnic Conflict in Cyprus* // Michael Keating, John McGarry (eds). *Minority Nationalism and the Changing International Order*. Oxford, Oxford University Press, 1997. P. 203-222.

Brewin C. *The European Union and Cyprus*. Huntingdon, Eothen, 2000.

Chrysostomides K. *The Republic of Cyprus: A Study in International Law*. The Hague, London, M. Nijhoff Publishers, 2000.

Diez T. (ed.). *The European Union and the Cyprus Conflict — Modern Conflict, Post Modern Union*. Manchester, Manchester University Press, 2002.

Dodd C. (ed.). *The Political, Social and Economic Development of Northern Cyprus*. Huntingdon, Eothen, 2000.

Dodd C. (ed.). *Cyprus: the Need for New Perspectives*. Huntingdon, Eothen, 1999.

Emerson M., Tocci, N. *Cyprus as Lighthouse of the Eastern Mediterranean*. Brussels, CEPS, 2002.

European Commission. *Continuing Enlargement: Strategy Paper and Report of the European Commission on the Progress towards Accession by Bulgaria, Romania and Turkey*. November 2003. В Интернете на сайте: http://europa.eu.int/comm/enlargement/report_2003/pdf/strategy_paper2003_full_en.pdf

Ioakimidis P. The Europeanization of Greece: An Overall Assessment // Kevin Featherstone, George Kazamias (eds). *Europeanization and the Southern Periphery*. London, Frank Cass, 2001.

Ioakimidis P. Greece, the EU and Southeastern Europe: Past Failures and Future Prospects // V. Coufoudakis, H. J. Psomiades, A. Gerolymatos (eds). *Greece and the New Balkans: Challenges and Opportunities*. New York, Pella Publisher, 1999. P. 169-194.

Joseph J. Can the EU Succeed Where the UN Failed? The Continuing Search for a Settlement on Cyprus. CIAO Papers 9/00 ISA, 41st Annual Convention, 2000.

Kerremans B. Determining a European Policy in a Multi-Level Setting: The Case of Specialised Co-ordination in Belgium // *Regional and Federal Studies*. Vol. 10, № 1 (2000). P. 36-61.

Kovziridze T. Europeanization of Federal Institutional Relationships: Hierarchical and Interdependent Relationship Structures in Belgium, Germany and Austria // *Regional and Federal Studies*, Vol. 12, № 3. (2002). P. 128-155.

Kramer H. The Cyprus Problem and European Security // *Survival*, Vol. 39, № 3 (1997). P. 16-32.

Mavratsas C. The Ideological Contest between Greek Cypriot Nationalism and Cypriotism 1974-1995 // *Ethnic, Racial Studies*, Vol. 20, № 4. 1997. P. 718-737.

Olgun E. Some Characteristics of the Belgian State that May Apply to the New Partnership State of Cyprus. Non-paper dated 26/06/2002, Brussels.

Republic of Cyprus. The Cyprus Problem, Historical Review and the Latest Developments. Nicosia, Information Office, Republic of Cyprus, 1999.

Stavriniades Z. Greek Cypriot Perceptions on the Cyprus Problem, 2001. В Интернетe на сайте: <http://website.lineone.net/~acgta/Stavriniades.htm>

Stivachtis Y. The Enlargement of the European Union: The Case of Cyprus. Conference Paper, International Studies Association, 41st Annual Convention, Los Angeles, CA, 2000. В Интернетe на сайте CIAO Conference Proceedings: www.cc.columbia.edu/sec/dlc/ciao/isa/sty01/

Tocci N. Cyprus and the EU: Catalysing Crisis or Settlement? // *Turkish Studies*, Vol. 3, № 2 (2002). P. 105-138.

Tocci N. Self-determination in Cyprus: Future Options within a European Order // Bruno Coppieters, Richard Sakwa (eds). *Contextualizing Secession: Normative Analysis in Comparative Perspective*. Oxford, Oxford University Press, 2003. P. 71-96.

Upur M. *The EU and Turkey: An Anchor Credibility Dilemma*. Aldershot, Ashgate, 1999.

United Nations Secretary-General. *Set of Ideas for the Reunification of Cyprus*, S/24472 English. New York, 1992.

United Nations Secretary-General, *Report of the Secretary-General on His Mission of Good Offices in Cyprus*, 07/04/2003 .

United Nations Secretary-General. 2004. *The Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem, Fifth Version*. В Интернетe на сайте: <http://www.cyprus-un-plan.org>

Wallace W. Reconciliation in Cyprus: The Window of Opportunity. Florence, Mediterranean Programme Report. EUI, 2002 .

Примечания

¹ Приводятся самые различные цифры относительно числа турецких иммигрантов, причем греко-кипрские источники указывают на наличие около 115 тысяч турецких поселенцев, а турко-кипрские источники — на то, что в Турции родилось не более 40 тысяч человек.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 5412 (1983), резолюции Совета Безопасности ООН 541 (1983) и 550 (1984) и резолюция Совета Европы 1056 (1987).

³ Более подробно об этом аспекте см.: Tocci Nathalie. Self-determination in Cyprus: Future Options within a European Order // Coppieters Bruno, Sakwa Richard (eds). Contextualizing Secession: Normative Studies in a Comparative Perspective. Oxford, Oxford University Press, 2003. P. 71—96.

⁴ Для экономики Северного Кипра характерно наличие значительной теневой экономической деятельности. Реальные показатели, таким образом, выше, чем те, о которых сообщается в статистике по Северному Кипру. Об этом см.: Dodd Clement (ed.). The Political, Social and Economic Development of Northern Cyprus. Huntingdon, Eothen, 1993.

⁵ В 1998 г. Турция сформировала Совет ассоциации с ТРСК, предусматривающий тесные связи в торговле, политическую солидарность и бюджетную поддержку.

⁶ Republic of Cyprus. Outline Proposals for the Establishment of a Federal Republic and for the Resolution of the Cyprus Problem, submitted on 30 January 1989. Appendix 20 // Republic of Cyprus. The Cyprus Problem, Historical Review and the Latest Developments. Nicosia, Information Office, Republic of Cyprus, 1999.

⁷ Дебаты между Никосом Анастасиадесом, Деметрисом Христофиасом и Тассосом Пападопулосом в Кипрском колледже, Никосия, 11 марта 2002 г.

⁸ По словам тогдашнего турецкого министра, ОДН была предложена не как постоянная мера, а скорее как средство изменить соотношение мнений внутри ООН в пользу политического равенства турко-кипрской общины, Этого казалось реаль-

ным добиться в ходе переговоров 1984—1986 гг., что как будто получило подтверждение в «Комплексе идей» 1992 г. (Интервью, Стамбул, май 2002 г.).

⁹ Интервью с участником переговоров с греко-кипрской стороны в 1989 г. Никосия, март 2002 г.

¹⁰ Резолюция Совета Безопасности ООН № 716 (S/23121 08/10/91), параграфы 4 и 6.

¹¹ Доклад Генерального секретаря Совету Безопасности ООН (S/23300 19/12/91), параграф 6.

¹² Генеральный секретарь ООН. Комплекс идей для воссоединения Кипра (S/24472 английский язык, 1992), пункт 11.

¹³ Там же, пункт 21.

¹⁴ «Переговоры по доверенности» — это процесс, в котором стороны представляют и обсуждают свои позиции через посредника, являющегося третьей стороной, например специального представителя ООН.

¹⁵ UN Secretary-General. Report of the Secretary-General on his Mission of Good Offices in Cyprus. 7 April 2003, paragraph 23.

¹⁶ В швейцарской Конституции используется еще более двусмысленная формула со ссылкой на суверенность кантонов в рамках Конституции.

¹⁷ О бельгийской системе согласования см.: Kerremans Bart. Determining a European Policy in a Multi-Level Setting: The Case of Specialized Coordination in Belgium // *Regional and Federal Studies*. Vol. 10. № 1. 2000. P. 36-61.

¹⁸ UN Secretary-General. Basis for an Agreement on a Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem. First draft. 11/11/02. Воспроизведено в: Annan Plan for a Cyprus Settlement – Full Text // *Cyprus Mail*. 14/11/02. Article 17.3.

¹⁹ Сравнительный анализ бельгийской, германской и австрийской систем внутренней координации и представительства на уровне ЕС см.: Kovziridze Tamara. Europeanization of Federal Institutional Relationships: Hierarchical and Interdependent Relationship Structures in Belgium, Germany and Austria // *Regional and Federal Studies*. Vol. 12. № 3. 2002. P. 128–155.

²⁰ О проблематичном эффекте роли ЕС на Кипре см.: Diez Thomas (ed.). *The European Union and the Cyprus Conflict — Modern Conflict, Post Modern Union*. Manchester, Manchester University Press, 2002; Tocci Nathalie. *Cyprus and the EU: Catalyzing Crisis or Settlement?* // *Turkish Studies*. Vol. 3. № 2. 2000. P. 105—138; Brewin Christopher. *The European Union and Cyprus*. Huntingdon, Eothen, 2000.

²¹ «Комплекс идей» потерпел неудачу отчасти ввиду изменений, которых потребовала турко-кипрская сторона. Однако избирательная кампания на Южном Кипре в 1993 г., подобно кампании 2003 г., когда сравнительно более непримиримый кандидат выиграл выборы, была несомненно вредна для мирного процесса.

²² См.: Ioakimidis Panayiotis. *Europeanization of Greece: an overall assessment* // Featherstone Kevin, Kazamias George (eds). *Europeanization and the Southern Periphery*. London, Frank Cass, 2002.

²³ Например, на Копенгагенской сессии Совета Европы 2002 г. тогдашние оппозиционные партии греков-киприотов АКЭЛ и ДИКО умерили свою критику группы дипломатов, которая вела переговоры, в том, что она хочет «распродать Кипр», после того, как греческое правительство высказалось в поддержку подхода этой группы.

²⁴ Wallace William. *Reconciliation in Cyprus: The Window of Opportunity*. Florence, Mediterranean Programme Report. EUI. 2002.

²⁵ Беседы с участниками опрошенной фокус-группы греков-киприотов. Никосия, июнь 2003 г.

²⁶ Интервью с лидерами оппозиции турок-киприотов. Никосия, февраль 2002 г. и июнь 2003 г.